

**АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
МИХАИЛ МЕЛЬТЮХОВ
МИРОСЛАВ МОРОЗОВ**

**МИФЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

**Мирослав Эдуардович Морозов
Алексей Валерьевич Исаев
Михаил Иванович Мельтюхов**
Мифы Великой Отечественной (сборник)
Серия «Мифы Великой Отечественной»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4941555*

*Мифы Великой Отечественной / Алексей Исаев, Михаил Мельтюхов, Мирослав Морозов.: Яуза,
Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40704-0*

Аннотация

В первые дни войны Сталин находился в полной прострации. В 1941 году немцы «гнали Красную Армию до самой Москвы», так как почти никто в СССР «не хотел воевать за тоталитарный режим». Ленинградская блокада была на руку Сталину желавшему «заморить оппозиционный Ленинград голодом». Гитлеровские военачальники по всем статьям превосходили бездарных советских полководцев, только и умевших «заваливать врага трупами». И вообще, «сдались бы немцам – пили бы сейчас «Баварское»!».

Об этом уже который год твердит «демократическая» печать, эту ложь вбивают в голову нашим детям. И если мы сегодня не поставим заслон этим клеветническим мифам, если не отстоим свое прошлое и священную память о Великой Отечественной войне, то потеряем последнее, что нас объединяет в единый народ и дает шанс вырваться из исторического тупика. Потому что те, кто не способен защитить свое прошлое, не заслуживают ни достойного настоящего, ни великого будущего!

Содержание

Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?	4
Олег Рубецкий. Была ли прощания у Сталина в первые дни войны?	21
Алексей Исаев. Сказка о потерянной связи	43
Григорий Пернавский. Почему погибли сталинградские пленные?	54
Александр Дюков. «Die aktion kaminsky»: локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Алексей Исаев, Михаил Мельтюхов, Мирослав Морозов Мифы Великой Отечественной

Павел Сутулин. Был ли Сталин союзником Гитлера?

В исторических и преимущественно окологисторических публикациях и дискуссиях последнего времени довольно распространено мнение, что СССР с 23 августа 1939 г. был союзником Германии, что проявилось прежде всего в совместном с Германией захвате Польши. Нижеследующий текст имеет целью продемонстрировать читателям, что рассмотрение подробностей польской кампании не дает оснований для подобных выводов.

Прежде всего необходимо отметить, что вопреки расхожему заблуждению СССР не связывал себя никакими официальными обязательствами по вступлению в войну с Польшей. Ни в секретном дополнительном протоколе к Договору о ненападении между Германией и СССР, ни тем более в самом договоре, разумеется, ничего подобного прописано не было. Тем не менее уже 3 сентября 1939 г. Риббентроп отправил послу Германии в СССР Ф.В. Шуленбургу указание поинтересоваться у Молотова, «не почитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию», добавив при этом, что это «было бы и в советских интересах»¹. Подобные завуалированные просьбы Германии о вводе советских войск в Польшу имели место и позднее². Молотов еще 5 сентября ответил Шуленбургу, что «в подходящее время» СССР «будет совершенно необходимо начать конкретные действия»³, однако именно к действиям Советский Союз переходить не спешил. Причин к тому было две. Первую 7 сентября прекрасно сформулировал Сталин: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга»⁴. Примерно такой же линии поведения позже придерживалась и Германия во время «Зимней войны». Больше того, рейх в то время еще и в меру возможностей, стараясь особенно не злить СССР, поддерживал Финляндию. Так, в самом начале войны Берлин отправил финнам партию из 20 зенитных орудий⁵. Тогда же Германия разрешила поставить из Италии в Финляндию транзитом через свою территорию 50 истребителей Fiat G.50⁶. Однако после того, как СССР, которому стало известно об этих поставках, 9 декабря заявил рейху официальный протест, Германия была вынуждена прекратить транзит через свою территорию⁷, поэтому таким путем в Финляндию успело попасть всего

---

¹ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 3 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. – М., 2004. С. 89.

² Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 8 сентября 1939 г. // Там же. С. 94.

³ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

⁴ Дневник генерального секретаря ИККИ Г.М. Димитрова // Материалы сайта <http://bdsa.ru>.

⁵ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. – М., 1999. С. 193.

⁶ *Зефирова М.В.* Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Эстония. Латвия. Финляндия. – М., 2003. С. 162.

⁷ *Барышников В.Н.* К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта <http://www.history.pu.ru>.

две машины. И все же даже после этого немцы нашли довольно оригинальный способ оказания помощи Финляндии: в конце 1939 г. переговоры Геринга со шведскими представителями привели к тому, что Германия начала продавать Швеции свое вооружение, а Швеция обязана была такое же количество оружия из своих запасов продавать Финляндии⁸.

Вторая причина, по которой СССР предпочитал не форсировать начало военных действий против Польши, была донесена идо германского руководства, когда во время беседы с Шуленбургом 9 сентября Молотов *«заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»*⁹. Кстати, дальнейшая судьба этого советского предложения для нападения на Польшу хорошо иллюстрирует, насколько готов был СССР идти на уступки Германии.

15 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу телеграмму, в которой так высказался о намерении Советского Союза представить свое вторжение в Польшу как акт защиты родственных народов от германской угрозы: *«Указание мотива такого сорта действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения, представит всему миру оба государства как врагов»*¹⁰. Однако когда Шуленбург передал Молотову это заявление своего шефа, тот ответил, что хотя планируемый советским руководством предлог и содержит в себе «ноту обидную для чувств немцев», однако другого повода для ввода войск в Польшу СССР не видит¹¹.

Таким образом, мы видим, что СССР, исходя из изложенных выше соображений, не собирался вторгаться в Польшу до того момента, как она исчерпает возможности к сопротивлению Германии. Во время очередного разговора с Шуленбургом 14 сентября Молотов заявил, что для СССР «было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава»¹². И вполне вероятно, что в случае эффективных оборонительных действий польской армии против Германии, и тем более в случае реального, а не формального вступления в войну Англии и Франции, Советский Союз вообще отказался бы от идеи присоединения Западных Украины и Белоруссии. Однако союзники de facto не оказали Польше вообще никакой помощи, а в одиночку она была не в состоянии оказать сколь-либо ощутимое сопротивление Вермахту.

К моменту введения советских войск в Польшу и военная, и гражданская польские власти потеряли какие-либо нити управления страной, а армия представляла собой разрозненные, не имеющие связи ни с командованием, ни друг с другом группки войск разной степени боеспособности. К 17 сентября немцы вышли на линию Осовец– Белосток – Бельск –

---

⁸ Барышников В.Н. К вопросу о германской военно – политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны» // Материалы сайта <http://www.history.ru>.

⁹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 10 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР– Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 95–96.

¹⁰ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Там же. С. 101.

¹¹ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 103.

¹² Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 98

Каменец-Литовск – Брест-Литовск – Влодава – Люблин – Владимир-Волынский – Замосць – Львов – Самбор, тем самым оккупировав уже около половины территории Польши, заняв Краков, Лодзь, Гданьск, Люблин, Брест, Катовице, Торунь. Варшава с 14 сентября находилась в осаде. Еще первого сентября город покинул президент И. Мосцицкий, а 5 сентября – правительство¹³. 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища,

16 сентября – с Румынией о транзите и, наконец, 17 сентября покинуло страну¹⁴. Впрочем, решение об эвакуации, по всей видимости, было принято еще раньше, поскольку уже 8 сентября посол США в Польше, сопровождавший польское правительство, отправил в Государственный департамент сообщение, которое, в частности, гласило, что «польское правительство покидает Польшу... и через Румынию... отправляется во Францию»¹⁵. Главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы продержался в Варшаве дольше всех, но и он покинул город в ночь на 7 сентября, переехав в Брест. Впрочем, и там Рыдз-Смиглы надолго не задержался: 10 сентября ставка была перенесена во Владимир-Волынский, 13-го – в Млынов, а 15-го – в Коломыю близ с румынской границей¹⁶. Разумеется, нормально руководить в таких условиях войсками главнокомандующий не мог, и это только усугубило хаос, возникший вследствие быстрого продвижения немцев и неразберихи на фронте. На это накладывались еще и возникшие проблемы со связью. Так, ставка в Бресте имела связь только с одной из польских армий – «Люблин»¹⁷. Характеризуя сложившуюся в тот момент в ставке ситуацию, заместитель начальника Главного штаба подполковник Яклич докладывал начальнику штаба Стахевичу: «У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи... С внутренней организацией в крепости Брест большой балаган, который я должен сам ликвидировать. Постоянные налеты авиации. В Бресте бегство во все стороны»¹⁸. Однако страну покидало не только руководство: 16 сентября началась эвакуация на аэродромы Румынии польской авиации¹⁹. Наиболее боеспособные корабли польского флота: эсминцы «Blyskawica», «Grom» и «Bugza» были передислоцированы в английские порты еще 30 августа 1939 г. Изначально предполагалось, что они в качестве рейдеров будут действовать по немецким коммуникациям, нарушая торговое судоходство Германии²⁰, однако каких-либо успехов в этом деле польские корабли не достигли, а их отсутствие в портах Польши негативно сказалось на боеспособности польского флота. С другой стороны, именно базирование в Британии спасло эти эсминцы от судьбы всего остального польского флота и позволило продолжать борьбу с немцами в составе КВМС уже после разгрома Польши. В ходе единственного своего крупного контрнаступления на р. Бзуре, начавшегося 9 сентября, польские войска в составе армий «Познань» и «Поможе» уже к 12 сентября потеряли инициативу, а 14 сентября были окружены немецкими войсками²¹. И хотя отдельные части окруженных армий продолжали сопротивление вплоть до 21 сентября, как-либо повлиять на исход войны они уже не могли. В условиях очевидной неспособности Польши оборонять свои западные рубежи 10 сентября Главный штаб выпустил директиву, согласно которой главной задачей армии становилось «стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспе-

¹³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001. С. 251.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Прибылоев В.И. «Захват» или «воссоединение». Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г. // Материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>.

¹⁶ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 251.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Котельников В. Авиация в советско– польском конфликте // Материалы сайта <http://www.airwiki.or>.

²⁰ Побережец С. Германо-польская война 1939 г. // Материалы сайта <http://wartime.narod.ru>.

²¹ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 266.

чение соединения с Румынией»²². Характерно, что эта директива стала последним общевоинским приказом главнокомандующего, однако и ее все из-за тех же проблем со связью получили не все части. После выхода этого приказа сам Рыдз-Смиглы, как уже говорилось выше, покинул Брест и двинулся как раз в направлении, обозначенном в директиве, – поближе к Румынии.

Таким образом, ввиду эффективных действий немцев, дезорганизации армии и неспособности руководства организовать оборону государства, к 17 сентября поражение Польши было совершенно неизбежно.

Фотография № 1

²² Там же. С. 261.

Фотография № 2

Показательно, что даже английский и французский генеральные штабы в подготовленном 22 сентября рапорте отмечали, что СССР начал вторжение в Польшу только тогда, когда ее окончательное поражение стало очевидным²³.

У читателя может возникнуть вопрос: а не было ли у советского руководства возможности дожидаться полного крушения Польши? Падения Варшавы, окончательного разгрома даже остатков армии, а возможно, и вовсе полной оккупации всей польской территории Вермахтом с последующим возвращением Западных Украины и Белоруссии Советскому Союзу в соответствии с советско-немецкими договоренностями? К сожалению, такой возможности у СССР не было. Если бы Германия действительно оккупировала восточные районы Польши, вероятность того, что она вернула бы их Советскому Союзу, была крайне мала. В руководстве рейха вплоть до середины сентября 1939 г. обсуждалась возможность создания на территориях Западных Украины и Белоруссии марионеточных правительств²⁴. В дневнике начальника штаба ОКХ Ф. Гальдера в записи от 12 сентября имеется такой пассаж: «Главкомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина»²⁵. Именно перспективой возникновения на востоке Польши новых территориальных образований Германия пыталась запугать руководство СССР с целью ускорить ввод советских войск в Польшу. Так, 15 сентября Риббентроп просил Шуленбурга «немедленно передать господину Молотову», что, «если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в Восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств»²⁶.

---

²³ Прибылое В.И. Указ. соч.

²⁴ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 291.

²⁵ Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939–1941. – М., 2007. С. 55.

²⁶ Телеграмма имперского министра иностранных дел германскому послу в Москве от 15 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 100–101.

Фотография № 3

Фотография № 4

Хотя, как видно из этой инструкции, Германия, конечно же, отрицала свое участие в возможном создании «независимых» государств в Восточной Польше, надо полагать, советское руководство иллюзий на этот счет не питало. Впрочем, даже несмотря на своевременное вмешательство СССР в германо-польскую войну, определенные проблемы из-за того, что немецким войскам к 17 сентября удалось занять часть Западной Украины, все же возникли:

18 сентября заместитель начальника штаба оперативного управления ОКВ В. Варлимонт показал исполняющему обязанности военного атташе СССР в Германии Белякову карту, на которой Львов находился западнее демаркационной линии между СССР и Германией, то есть входил в будущую территорию рейха, что являлось нарушением секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении в отношении раздела сфер влияния в Польше. После предъявления претензий со стороны СССР немцы заявили, что все советско-германские договоренности остаются в силе, а военный атташе Германии Кестринг, пытаясь объяснить такое нанесение границы, сослался на то, что это была личная инициатива Варлимонта²⁷, однако представляется маловероятным, чтобы последний чертил карты исходя из каких-то своих собственных соображений, идущих вразрез с инструкциями руководства рейха. Показательно, что необходимость советского вторжения в Польшу признавали и на Западе. Черчилль, занимавший тогда пост первого лорда адмиралтейства, заявил 1 октября в выступлении по радио, что «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»²⁸. Позиция союзников по вопросу вступления РККА в Польшу вообще интересна. После того как СССР 17 сентября заявил о своем нейтралитете по отношению к Франции и Англии²⁹, эти страны также решили не идти на обострение отношений с Москвой. 18 сентября на заседании английского правительства было решено даже не заявлять протеста на действия Советского Союза, поскольку Англия брала на себя обязательства защищать Польшу только лишь от Германии³⁰. 23 сентября нарком внутренних дел Л.П. Берия информировал наркома обороны К.Е. Ворошилова о том, что «резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил, что 20 сентября с. г. Министерство Иностранных Дел Англии послало телеграмму всем английским посольствам и пресс-атташе, в которой указывает, что Англия не только не намерена объявлять Советскому Союзу войну сейчас, но должна оставаться в возможно лучших отношениях»³¹. А 17 октября англичане заявили, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии не может быть и речи³². Таким образом, союзники, по сути, легитимизировали действия Советского Союза на территории

Польши. И хотя мотивом такой гибкости Англии и Франции было в первую очередь их нежелание провоцировать сближение СССР и Германии, сам факт того, что союзники выбрали именно такую линию поведения, говорит о том, что они понимали, насколько напряженными по-прежнему остаются отношения между Советским Союзом и рейхом и что августовские договоренности – всего лишь тактический маневр. Помимо политических реверансов Британия попыталась также наладить и торговые отношения с СССР: 11 октября на советско-английских переговорах было принято решение о возобновлении поставок советского леса в Британию, которые были приостановлены из-за того, что Англия после

---

²⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 325–328.

²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. – М., 1991. С. 204.

²⁹ Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР// Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 107.

³⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 354.

³¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. – М., 2002. С. 152.

³² Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 355.

начала войны стала задерживать суда СССР с грузами для Германии. В свою очередь, англичане обязались прекратить подобную практику³³.

Подводя промежуточные итоги, мы можем отметить, что в начале сентября Советский Союз не только не горел желанием каким бы то ни было образом помогать Германии в борьбе с Войском Польским, но и намеренно оттягивал начало «освободительного похода» вплоть до того момента, когда полное поражение Польши стало совершенно очевидным, а дальнейшее промедление с вводом советских войск могло закончиться тем, что Западная Украина и Западная Белоруссия в той или иной форме попали бы под влияние Германии.

А теперь перейдем собственно к рассмотрению подробностей взаимодействия Вермахта и РККА. Итак, 17 сентября советские войска силами Украинского (под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко) и Белорусского (под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева) фронтов вторглись в восточные районы Польши. Кстати, интересно, что, хотя освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии было лишь предлогом для ввода советских войск в Польшу, с населением этих территорий советские войска действительно преимущественно обращались как освободители. В приказе Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября подчеркивалось, что «наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку нашим братьям белорусам и украинцам, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов... Мы идем не как завоеватели, а как освободители наших братьев белорусов, украинцев и трудящихся Польши»³⁴. Директивой Ворошилова и Шапошникова Военсовету БОВО от 14 сентября предписывалось «избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника», а также не допускать «никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах»³⁵. В директиве начальника Политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса напоминалось «о строжайшей ответственности за мародерство по законам военного времени. Комиссары, политруки и командир, в частях которых будет допущен хотя бы один позорный факт, будут строго наказаны, вплоть до придания суду Военного Трибунала»³⁶. О том, что этот приказ не был пустой угрозой, прекрасно свидетельствует тот факт, что в ходе войны и после ее окончания Военным Трибуналом было вынесено несколько десятков обвинительных приговоров по военным преступлениям, которые, к сожалению, все-таки имели место в ходе польской кампании³⁷. Начальник Главного штаба Войска Польского В. Стахевич отмечал: «Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение»³⁸. Отчасти именно благодаря такому отношению Красной Армии польские войска очень часто не оказывали ей сопротивления, сдаваясь в плен. Именно таким результатом закончилось большинство столкновений частей РККА и Войска Польского. Прекрасной иллюстрацией этого факта является соотношение погибших в боях с Красной Армией и попавших в плен к ней солдат и офицеров польских войск: если первых насчитывается всего 3500 человек, то вторых – 452 500³⁹. Польское население также вполне лояльно относилось к Красной Армии:

---

³³ Там же. С. 356.

³⁴ Приказ № 005 Военного совета Белорусского фронта войскам фронта о целях вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии от 16 сентября // Катень. Пленники необъявленной войны (материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>).

³⁵ Директива № 16633 наркома обороны К.Е. Ворошилова и начальника генштаба РККА Б.М. Шапошникова Военному совету Белорусского особого военного округа о начале наступления против Польши // Там же.

³⁶ Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. 2003. С. 194.

³⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 372–380.

³⁸ Прибылое В.И. Указ. соч.

³⁹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. Документы, факты, суждения. – М.,

«Как свидетельствуют документы, например, 87-й стрелковой дивизии, «во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода». То же мы видим и в материалах 45-й стрелковой дивизии: «Население везде радо и встречает Красную Армию как освободительницу. Крестьянин села Острожец Сидоренко заявил: «Скорее бы установилась Советская власть, а то 20 лет польские паны сидели на наших шеях, высасывали из нас последнюю кровь, а теперь наконец пришло время, когда нас Красная Армия освободила. Спасибо тов. Сталину за освобождение от кабалы польских помещиков и капиталистов»⁴⁰. Причем нелюбовь белорусского и украинского населения к «польским помещикам и капиталистам» выражалась отнюдь не только в доброжелательном отношении к советским войскам, но и в открытых антипольских восстаниях в сентябре 1939 г.⁴¹. 21 сентября замнаркома обороны командарм 1 – го ранга Г.И. Кулик докладывал Сталину: «В связи с большим национальным угнетением поляками украинцев у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков. Необходимо срочное обращение правительства к населению, так как это может превратиться в большой политический фактор»⁴². А Мехлис в своем донесении 20 сентября указывал и такой интересный факт: «Польские офицеры... как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной Армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»⁴³. Таким образом, РККА выполняла на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии в некотором смысле и миротворческие функции. Впрочем, и после присоединения этих районов к СССР их белорусское и украинское население не изменило своего отношения к полякам, хотя это и стало проявляться в несколько иной форме. Так, например, во время выселения из западных областей Украины и Белоруссии осадников и лесной стражи в феврале 1940 г. местное население оных областей восприняло это решение советского правительства с большим энтузиазмом. В спецсообщении Берии Сталину по этому поводу говорится, что «население западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР на выселение осадников и лесной стражи реагирует положительно. В ряде случаев в задержании бежавших осадников местные жители оказывали помощь оперативным группам НКВД»⁴⁴. О том же, но чуть более подробно говорится и в докладе дрогобычской областной тройки НКВД УССР о тех же событиях: «Выселение осадников и работников сторожевой охраны лесов основной массой крестьян обл. с удовольствием одобрялось и всемерно поддерживалось, о чем красноречивее всего говорит факт участия в операции большого количества сельского актива (3285 чел.)»⁴⁵. Таким

2008. С. 96.

⁴⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 363.

⁴¹ Борьба против польской оккупации на Западной Украине 1921–1939 гг. // Материалы сайта <http://www.hrono.ru>; Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 307.

⁴² Доклад заместителя народного комиссара обороны СССР командарма 1 – го ранга Г.И. Кулика о боевых действиях частей и соединений Красной Армии на территории Западной Украины и политическом и экономическом положении в этом регионе // Катгын. Пленники необъявленной войны.

⁴³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 367.

⁴⁴ Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о результатах операции по выселению осадников и лесной стражи из западных областей Украины и Белоруссии // Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006. С. 142.

⁴⁵ Доклад дрогобычской областной тройки НКВД УССР наркому УССР И.А. Серову об итогах операции по выселению членов семей осадников и лесников // Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. С. 126.

образом, по крайней мере частью населения отторжение Западных Украины и Белоруссии от Польши действительно воспринималось как освобождение.

Но вернемся к рассмотрению особенностей советско-германского взаимодействия, которое началось с того, что в два часа ночи 17 сентября Сталин вызвал к себе Шуленбурга, объявил о вводе советских войск в Польшу и попросил, «чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток – Брест-Литовск – Лемберг [Львов]. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга»⁴⁶. Просьба германского военного атташе генерал-лейтенанта Кестринга об отсрочке боевых действий советской авиации, чтобы германское командование смогло принять меры по предотвращению эвентуальных инцидентов, связанных с бомбардировкой районов, занятых Вермахтом, осталась неудовлетворенной. В результате некоторые немецкие подразделения попали под удары советской авиации⁴⁷. И в дальнейшем наиболее яркими эпизодами советско-немецких взаимоотношений являлись не совместные действия по уничтожению остатков польских войск, как должно было бы быть у союзников, а подобные эксцессы, приводившие к жертвам с обеих сторон. Наиболее заметным таким происшествием стало столкновение советских и германских войск во Львове. В ночь на 19 сентября к городу подошел сводный отряд 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады. В город был введен разведбатальон 24-й тбр. Однако в 8.30 утра части 2-й немецкой горнострелковой дивизии предприняли штурм города, при этом был атакован и советский батальон, несмотря на то что первоначально он не проявлял никакой агрессии. Командир бригады даже выслал в сторону немцев бронемашину с куском нижней рубахи на палке, однако немцы огонь не прекратили. Тогда танки и бронемашины бригады открыли ответный огонь. В результате завязавшегося боя советские войска потеряли 2 бронемашины и 1 танк, 3 человека убитыми и 4 ранеными. Потери немцев составили 3 противотанковых орудия, 3 человека убитыми и 9 ранеными. Вскоре стрельба была прекращена и к советским войскам был выслан представитель немецкой дивизии. В результате переговоров инцидент удалось уладить⁴⁸. Однако, несмотря на сравнительно мирное разрешение этого конфликта, встал вопрос, что делать со Львовом. Утром 20 сентября немецкое руководство через Кестринга передало в Москву предложение взять город совместными усилиями, а затем передать его СССР, но, получив отказ, вынуждено было отдать приказ об отводе своих войск. Германское командование восприняло такое решение как «день унижения для немецкого политического руководства»⁴⁹. Во избежание возникновения аналогичных инцидентов 21 сентября на переговорах Ворошилова и Шапошникова с Кестрингом и представителями германского командования полковником Г. Ашенбрэннером и подполковником Г. Кребсом был составлен протокол, регламентирующий продвижение советских войск к демаркационной линии и вывод частей Вермахта с занятой ими советской территории.

«§ 1. Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии начиная с 22 сентября отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный

---

⁴⁶ Телеграмма германского посла в Москве в министерство иностранных дел Германии от 17 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. СССР–Германия 1939–1941. Документы и материалы. С. 104.

⁴⁷ Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. – М., 2001. С. 107.

⁴⁸ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 320–321.

⁴⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 58.

берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной Армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной Армией районов, пунктов, городов и т. п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т. п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

§ 5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

§ 6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной Армии при движении на запад колонн Красной Армии может летать только до линии авангардов колонн Красной Армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по рр. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии»⁵⁰.

Как мы видим, были предприняты все меры для того, чтобы РККА и Вермахт в ходе действий в Польше вообще друг с другом не соприкасались, – какое уж тут сотрудничество. Впрочем, именно за сотрудничество порой пытаются выдать 4-й и 5-й пункты этого протокола, хотя ничего особенного в них, в общем-то, нет. Немецкая сторона всего-навсего обязуется вернуть СССР в целостности и сохранности те объекты, которые и так ему принадлежат, поскольку находятся на территории, отходящей согласно секретному дополнительному протоколу к Советскому Союзу. Что же касается советского обязательства оказывать помощь небольшим немецким частям в случае, если их продвижению будут мешать остатки польских войск, то тут прослеживается вовсе не стремление СССР сотрудничать с Вермахтом, а как раз таки нежелание иметь с ним какие-либо контакты. Советское руководство настолько

---

⁵⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 329–331.

хотело как можно быстрее выпроводить немецкие войска со своей территории, что готово было даже конвоировать их до демаркационной линии.

Впрочем, даже этот протокол, сводивший, казалось бы, к минимуму возможность столкновений между советскими и немецкими частями, не смог предотвратить дальнейшие конфликты между ними. 23 сентября у Видомля конный разъезд разведбата 8-й сд был обстрелян пулеметным огнем 6 немецких танков, в результате чего 2 человека было убито и 2 ранено. Ответным огнем советские войска подбили один танк, экипаж которого погиб⁵¹. 29 сентября в районе Вохыни 3 немецкие бронемшины открыли огонь по саперному батальону 143-й сд⁵². 30 сентября в 42 км восточнее Люблина с немецкого самолета был обстрелян 1-й батальон 146-го спи 179-й гап 44-й сд. Восемь человек получили ранения⁵³.

1 октября прошли очередные переговоры между Ворошиловым и Шапошниковым, с одной стороны, и Кестрингом, Ашенбреннром и Кребсом – с другой, об отводе немецких и советских войск к окончательной границе, которая была определена подписанным 28 сентября советско-германским Договором о дружбе и границе. В отношении мер по предотвращению столкновений между РККА и Вермахтом новое решение договаривающихся сторон в целом повторяло протокол от 21 сентября, однако во избежание происшествий вроде случившегося 30 сентября в протоколе появился такой пункт: «При отводе войск Красной Армии авиация Красной Армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной Армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров»⁵⁴.

Итак, как мы видим, многочисленные договоренности и консультации, которые действительно имели место в советско-германских отношениях, начиная с 17 сентября, были направлены вовсе не на координацию совместных действий советских и немецких войск по борьбе с остатками польских формирований, как это подобает делать союзникам, а всего лишь на улаживание различных конфликтов, возникавших в результате столкновения частей РККА и Вермахта, и на предотвращение конфликтов новых. Представляется вполне очевидным, что для исключения эскалации мелких стычек до размеров реального конфликта так должны были действовать любые государства. И меры, предпринятые Советским Союзом и Германией, говорят вовсе не о союзническом характере их взаимодействия. Как раз наоборот, сам факт того, что эти меры пришлось принимать, и та форма, в которой это было сделано, прекрасно демонстрируют нам, что основной целью сторон было в первую очередь разграничение зон действий своих армий, недопущение каких-либо контактов между ними. Автору удалось найти всего два примера, которые действительно можно охарактеризовать как сотрудничество Советского Союза и Германии. Во-первых, 1 сентября помощник наркома иностранных дел В. Павлов передал Молотову просьбу советника германского посольства в Москве Г. Хильгера о том, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1. О», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В.М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск»⁵⁵. Таким образом, Люфтваффе могло использовать минскую станцию в качестве радиомаяка. Впро-

---

⁵¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 337.

⁵² Там же. С. 338.

⁵³ Там же. С. 340.

⁵⁴ Там же. С. 360.

⁵⁵ Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В.Н. Павлова народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову // Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы (материалы сайта <http://katynbooks.narod.ru>).

чем, это решение советского руководства вполне поддается объяснению. Ведь любая ошибка немецких пилотов, действовавших вблизи советской территории, могла привести к разного рода нежелательным последствиям: от столкновений с советскими истребителями до нанесения бомбовых ударов по советской территории. Поэтому согласие советского руководства предоставить немцам лишний ориентир вызвано опять же стремлением предупредить возможные инциденты. Второй же случай – это взаимное обязательство Германии и СССР не допускать «на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны»⁵⁶. Однако вполне очевидно, что на основании только лишь двух этих фактов делать далеко идущие выводы о советско-немецком «братстве по оружию» довольно проблематично. Особенно в контексте рассмотрения прочих эпизодов советско-германских отношений, которые «братскими» никак не назовешь.

Итак, подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы. В ходе германо-польской войны Советский Союз не намеревался оказывать никакой помощи Германии. Вступление советских войск на территорию Польши преследовало исключительно советские же интересы и было вызвано не стремлением как бы то ни было помочь Германии с разгромом польской армии, боеспособность которой к тому моменту и так неудержимо стремилась к нулю, а именно нежеланием передавать всю территорию Польши в распоряжение Германии. В ходе «освободительного похода» советские и немецкие войска не проводили каких-либо совместных операций и не практиковали какие-либо другие формы сотрудничества, а между отдельными подразделениями РККА и Вермахта имели место локальные конфликты. Все советско-немецкое сотрудничество, по сути, было направлено именно на разрешение подобных конфликтов и как можно более безболезненное создание ранее не существовавшей советско-германской границы. Таким образом, утверждения о том, что в ходе польской кампании СССР был союзником Германии, являются не более чем инсинуациями, имеющими мало отношения к реалиям советско-немецких отношений того периода.

В контексте обсуждения советско-германского сотрудничества интерес представляет и еще один эпизод, который, как ни странно, у многих публицистов служит главным аргументом при доказательстве того, что части РККА и Вермахта в 1939 г. вступили в Польшу в качестве союзников. Речь идет, конечно же, о «совместном советско-германском параде», проходившем в Бресте 22 сентября. Увы, чаще всего упоминания об этом параде не сопровождаются какими-либо подробностями, как будто речь идет о совершенно очевидном и известном каждому читателю факте. Впрочем, публицистов можно понять: ведь если начать разбираться в подробностях брестского парада, то идиллическая картинка советско-германского братства по оружию несколько портится и все произошедшее в Бресте выглядит не столь однозначно, как многим хотелось бы. Но обо всем по порядку...

14 сентября части немецкого 19-го моторизованного корпуса под командованием генерала танковых войск Г. Гудериана заняли Брест. Гарнизон города во главе с генералом К. Плисовским укрылся в крепости, однако 17 сентября и она была взята. А 22 сентября к городу подошла 29-я танковая бригада комбрига С.М. Кривошеина. Поскольку Брест находился в советской сфере влияния, после переговоров между командованием 19-го мк и 29-й тбр немцы начали вывод своих войск из города. Таким образом, изначально парад являлся, по сути, торжественной процедурой вывода немецких частей из Бреста. Осталось ответить на два вопроса: являлась ли это действо парадом и какая роль в нем отводилась советским войскам?

В Строевом уставе пехоты 1938 г. к параду применяются довольно жесткие требования.

---

⁵⁶ Секретный дополнительный протокол к германо – советскому договору о дружбе и границе между СССР и Германией // Катынь. Пленники необъявленной войны.

«229. Для командования войсками, выводимыми на парад, назначается командующий парадом, который заблаговременно дает необходимые указания войскам.

...

233. Каждая отдельная часть, участвующая в параде, высылает в распоряжение командующего парадом линейных, под командой командира, из расчета: от роты – 4 линейных, от эскадрона, батареи – по 2 линейных, от мото-механизированных частей – каждый раз по особому указанию командующего парадом. На штыке винтовки линейного, обозначающего фланг части, должен быть флажок размером 20 x 15 см, цвета петлиц своего рода войск.

234. Войска прибывают на место парада согласно приказу по гарнизону и строятся на местах, обозначенных линейными, после чего линейные становятся на свои места, оставляемые в задней шеренге части.

...

236. Войсковые части строятся в линию батальонов; каждый батальон – в линию рот; в батальонах – уставные интервалы и дистанции; между батальонами интервал в 5 м. Командир части – на правом фланге своей части; в затылок ему – начальник штаба; рядом и левее командира – военный комиссар части; левее военного комиссара – оркестр, который равняется своей первой шеренгой по второй шеренге правофланговой роты. Левее оркестра, в двух шагах в одной шеренге, – ассистент № 1, знаменщик и ассистент № 2, которые равняются по первой шеренге правофланговой роты. Командир головного батальона – в двух шагах левее ассистента № 2. Остальной командный состав – на своих местах.

239. Войска на месте парада, до прибытия принимающего парад, приветствуют:

а) войсковые части – командиров своих соединений;

б) все войска парада – командующего парадом и начальника гарнизона.

Для приветствия подается команда: «Смирно, равнение направо (налево, на середину)»; оркестры не играют.

240. Принимающий парад прибывает к правому флангу парада. При приближении его к войскам на 110–150 м командующий парадом подает команду: «Парад, смирно, равнение направо (налево, на середину)». Команду повторяют все командиры, начиная от командиров отдельных частей и выше. По этой команде:

а) войска принимают положение «смирно» и поворачивают голову в сторону равнения;

б) весь командный и начальствующий состав, начиная с командиров взводов и выше, прикладывает руку к головному убору;

в) оркестры играют «Встречный марш»;

г) командующий парадом подходит с докладом к принимающему парад.

Когда принимающий парад верхом, командующий парадом встречает его тоже верхом, держа шашку «надвысь» и опуская ее при докладе.

Во время доклада командующего парадом оркестры игру прекращают. После доклада командующий парадом вручает принимающему парад строевую записку о составе выведенных на парад войск.

Когда принимающий парад начинает движение, оркестр головной части начинает играть «Встречный марш» и прекращает игру на время приветствия части и ответа на приветствие.

241. На приветствие принимающего парад части отвечают: «Здравствуйте», а на поздравление – «Ура».

242. Когда принимающий парад проследует до головного подразделения следующей отдельной части, оркестр игру прекращает, а новый оркестр начинает играть.

243. По окончании объезда принимающим парад войск командующий парадом подает команду: «Парад – ВОЛЬНО».

Весь командный состав, начиная с командира взвода, выходит и становится перед серединой фронта своих подразделений: командиры взводов – в П/2 м, командиры рот – в 3 м, командиры батальонов – в 6 м, командиры частей – в 12 м, командиры соединений – в 18 м. Рядом и левее вышедших вперед командиров становятся военные комиссары.

...

245. Для прохождения войск торжественным маршем командующий парадом подает команды: «Парад, смирно! К торжественному маршу, на столько-то линейных дистанций, поротно (по-батальонно), равнение направо, первая рота (батальон) прямо, остальные направо-ВО, на пле-ЧО, шагом – МАРШ».

Все командиры отдельных частей повторяют команды, за исключением первой – «Парад, смирно».

246. По команде «К торжественному маршу» командиры частей и соединений с военными комиссарами переходят и становятся перед серединой фронта головного батальона; сзади них в 2 м становятся начальники штабов, а сзади начальников штабов в 2 м – знаменщики с ассистентами; линейные выбегают из строя и занимают заранее указанные им места для обозначения линии движения войск торжественным маршем; оркестры всех отдельных частей выходят из строя своей части и становятся против принимающего парад, не ближе 8 м от левого фланга проходящих торжественным маршем войск».

Разумеется, ничего из этого в Бресте соблюдено не было. По крайней мере, свидетельств этому нет. Зато есть свидетельства обратного. В своих мемуарах Кривошеин пишет, что Гудериан согласился на следующую процедуру вывода войск: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши»⁵⁷. Таким образом, исходя из слов Кривошеина, никакого парада в каноническом понимании этого слова в Бресте не было даже близко. Но не будем формалистами. Предположим, что совместным парадом может считаться любое совместное мероприятие, в ходе которого два командующих принимают парад проходящих мимо них войск обеих армий. Однако даже при таком вольном толковании термина «парад» с идентификацией мероприятия в Бресте именно как парада возникают проблемы. Из вышеприведенной цитаты Кривошеина следует, что никакого совместного прохождения войск по одной и той же улице не было. Комбриг четко говорит о том, что части не должны пересекаться. В воспоминаниях Гудериана тоже имеется упоминание о событиях в Бресте: «Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина»⁵⁸. Как мы видим, генерал также ни словом не обмолвился об участии в параде советских войск. Более того, из этой фразы даже не следует, что Кривошеин как-либо участвовал в параде. Скорее находился рядом с Гудерианом в качестве наблюдателя, что вполне соответствует цели присутствия комбрига при всем этом мероприятии – контроль вывода немецких войск. И действительно, совершенно непонятно, на основании чего Кривошеин так упорно пытаются записать в принимающие парад. Никакой церемониал, сопутствующий этому посту, соблюден не был, а сам факт присутствия комбрига при прохождении немецких войск ни о чем не говорит. В конце концов на парадах в честь Дня Победы тоже во множестве присутствуют иностранные делегации, однако назвать их принимающими парад, как ни странно, никому в голову не приходит. Но вернемся к советским частям. Историк О.В. Вишлев со ссылкой на немецкое издание «Великий германский поход против Польши» 1939 г. выпуска опять же утверждает, что никакого совместного парада не было. Сначала

---

⁵⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 336.

⁵⁸ Гудериан Г. Воспоминания солдата. – М., 2004. С. 113.

из города вышли немецкие войска, затем вошли советские⁵⁹. Таким образом, мы не располагаем ни одним письменным источником, который говорил бы нам о совместном прохождении советских и германских войск по улицам Бреста.

Теперь обратимся к источникам документальным. Из всех сделанных 22 сентября в Бресте фотографий⁶⁰, которые автору удалось найти, лишь на четырех запечатлены советские войска, располагающиеся на проезжих частях брестских улиц. Давайте разберем их поподробнее. На фотографиях № 1 и 2 мы видим колонну советских танков. Однако эти фотографии сделаны явно до парада: на том месте, где позже будет стоять трибуна (под флагштоком), ее нет; колонны немецких войск стоят, а то, насколько энергично бойцы Вермахта крутят головами по сторонам, наглядно свидетельствует о том, что они не находятся даже в готовности к торжественному маршу. Сам же по себе факт присутствия в городе каких-то советских частей совершенно понятен: Кривошеин, естественно, прибыл к Гудериану не в гордом одиночестве, а в сопровождении, вероятно, штаба и охраны или, если угодно, почетного эскорта. Видимо, прибытие этого эскорта мы и видим на данных фотографиях. На фото № 3 мы снова видим советскую танковую колонну, но уже совершенно в другом месте. К параду она также отношения не имеет: никаких немецких войск по обочинам не наблюдается, зато праздну гуляющих местных жителей – сколько угодно. А вот с фотографией № 4 все несколько сложнее. На ней мы наконец-то находим хоть какой-то атрибут парада – немецкий оркестр. Тем не менее сделать вывод о том, что на фотографии запечатлен именно парад, мы опять же не можем: трибуну нам не видно, а музыканты, вместо того чтобы обеспечивать участникам парада музыкальное сопровождение, бездействуют. То есть с тем же успехом фотография могла быть сделана во время подготовки к параду, но до его начала. Просмотр кинохроники, которая сегодня благодаря Всемирной паутине доступна любому желающему, также не откроет для нас ничего нового. Кадры опять же с советской танковой колонной (одни и те же) имеются на двух роликах, которые удалось найти автору. Однако и на них запечатлен не парад, а прохождение танков по улицам Бреста, на которых не видно ни одного немецкого солдата или тем более командования, зато имеются приветствующие части РККА горожане. Таким образом, из всего объема кино- и фотоматериалов лишь одна фотография, возможно, сделана во время участия советских войск в параде. А возможно, и совершенно в другое время, и советские войска там к параду отношения не имеют – каких-либо оснований утверждать это у нас нет. Проще говоря, вся версия о «совместном параде» зиждется на одной-единственной фотографии, да и ту с уверенностью отнести ко времени проведения парада нельзя. То есть внятных доказательств участия советских войск в «совместном» параде у апологетов теории о советско-германском «братстве по оружию» нет. Доказательств обратного у их оппонентов тоже нет, однако древнюю формулу *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* пока никто не отменял.

Резюмируя, можно сказать, что факт проведения в Бресте совместного парада является недоказанным. А наиболее правдоподобная, как нам кажется, картина произошедшего в городе выглядит так: сначала в Брест прибывает Кривошеин со штабом и танковой колонной охранения, затем командующие улаживают все связанные с выводом немецких войск проблемы. После этого, вероятно, в город входят советские войска, однако держатся на расстоянии от своих немецких коллег. Части Вермахта торжественно проходят мимо трибуны с Гудерианом и Кривошеиным. После чего генерал дарит комбригу флаг и удаляется вслед за своим корпусом. Затем советские войска окончательно занимают город. По крайней мере, такая версия согласуется со всеми имеющимися источниками.

---

⁵⁹ Вишлев О.В. Указ. соч. С. 109.

⁶⁰ Подборку фото и видеоматериалов о событиях в Бресте см. на <http://gezesh.livejournal.com/25630.html>.

Но главная ошибка историков, которые носят с брестским парадом как с писаной торбой, заключается даже не в том, что они пытаются выдать за очевидный факт событие, реальность которого вызывает очень большие сомнения. Главная их ошибка в том, что даже если этот парад действительно был, сам по себе этот факт ни о чем не говорит. В конце концов российские и американские вооруженные силы в наше время тоже устраивают совместные парады⁶¹, однако никому не приходит в голову объявить Россию и США союзниками. Совместный парад может служить только лишь иллюстрацией тезиса о союзническом характере отношений между СССР и Германией в сентябре 1939 г., но никак не его доказательством. А тезис этот является неверным безотносительно к тому, был парад или нет.

---

⁶¹ 9 мая 2006 г. экипаж эсминца ВМФ США «Джон Маккейн» участвовал в Параде Победы во Владивостоке вместе с российскими моряками.

Олег Рубецкий. Была ли прострация у Сталина в первые дни войны?

То, что у политического руководства СССР в первые дни Великой Отечественной войны случился кризис, не подвергалось никакому сомнению со времен XX съезда КПСС. После этого публиковались свидетельства непосредственных участников, а начиная с 80-х гг. прошлого века и документы, подтверждающие факт кризиса.

Вопрос о кризисе обычно сводится к тому, что И.В. Сталин утратил на некоторое время способность – или желание – к управлению государством в тяжелых условиях военного времени.

В своих воспоминаниях А.И. Микоян дает (как слова В.М. Молотова) определение такому состоянию Сталина:

«Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии»⁶².

Однако вопросы о сроках продолжительности такого состояния, степени глубины т. н. «прострации», да и самом ее существовании в том виде, в котором это описывается в воспоминаниях бывших соратников И.В. Сталина – А.И. Микояна, В.М. Молотова (со слов А.И. Микояна), Н.С. Хрущева, Л.П. Берия (со слов Н.С. Хрущева), требуют в чем-то переосмысления, а в чем-то – осмысления.

Прежде всего давайте определимся со сроками сталинской «прострации». Есть несколько версий о ее продолжительности.

Первая версия гласит, что Сталин впал в «прострацию» в первые же дни войны, скрылся на подмосковной даче и не показывался оттуда до тех пор, пока к нему не приехали члены Политбюро с предложением создать ГКО (причем Сталин испугался того, что его приехали арестовать), но члены Политбюро его арестовывать не стали, а уговорили возглавить этот орган высшей власти в воюющей стране.

Этот миф был рожден Н.С. Хрущевым во время XX съезда КПСС, когда Н.С. Хрущев заявил следующее.

«Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

– То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте»⁶³.

И в своих мемуарах Н.С. Хрущев придерживался этой версии, более того, творчески развил ее.

«Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Совет-

⁶² «Политическое образование». 1988, № 9. С. 74–75.

⁶³ Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС 24–25 февраля 1956 г. (Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., № 3)

ское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит– отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу»⁶⁴.

Эта версия была подхвачена некоторыми историками на Западе. Р.А. Медведев пишет: *«Историю о том, что Сталин в первые дни войны впал в глубокую депрессию и отказался от руководства страной «на долгое время», впервые рассказал Н.С. Хрущев в феврале 1956 г. в своем секретном докладе «О культуре личности» на XX съезде КПСС. Этот рассказ Хрущев повторил и в своих «Воспоминаниях», которые его сын Сергей записывал в конце 60-х годов на магнитофонную ленту. Сам Хрущев в начале войны находился в Киеве, он ничего не знал о том, что происходило в Кремле, и ссылаясь в данном случае на рассказ Берия: «Берия рассказал следующее...». Хрущев заявлял, что Сталин не управлял страной в течение недели. После XX съезда КПСС многие из серьезных историков повторяли версию Хрущева, она повторялась почти во всех биографиях Сталина, в том числе и в вышедших на Западе. В хорошо иллюстрированной биографии Сталина, изданной в США и Англии в 1990 г. и послужившей основой для телевизионного сериала, Джонатан Люис и Филип Вайтхед, уже без ссылки на Хрущева и Берия, писали о дне 22 июня 1941 г. «Сталин был в прострации. В течение недели он редко выходил из своей виллы в Кунцево. Его имя исчезло из газет. В течение 10 дней Советский Союз не имел лидера. Только 1 июля Сталин пришел в себя». (Дж. Люис, Филип Вайтхед. «Сталин». Нью-Йорк, 1990. С. 805)⁶⁵.*

Но все же большинство историков не были столь легковверны и помимо версии Н.С. Хрущева оперировали и другими материалами, благо, с середины 1980-х гг. их появлялось все больше – стали доступны архивы, некоторые мемуары выходили в редакциях, лишенных конъюнктурной правки.

Чего нельзя сказать о некоторых отечественных историках, например об авторах учебного пособия «Курс советской истории, 1941–1991» А.К. Соколове и В.С. Тяжелникове, вышедшего в 1999 г., в котором школьникам предлагается все та же мифическая версия:

«Известие о начале войны повергло в шок руководство в Кремле. Сталин, получавший отовсюду сведения о готовящемся нападении, рассматривал их как провокационные, преследующие цель втянуть СССР в военный конфликт. Не исключал он и вооруженных провокаций на границе. Ему лучше всех было известно, в какой степени страна была не готова к «большой войне». Отсюда – желание всячески оттянуть ее и нежелание признать, что она все-таки разразилась. Сталинская реакция на нападение германских войск была неадекватной. Он все еще рассчитывал ограничить его рамками военной провокации. Между тем с каждым часом яснее вырисовывались огромные масштабы вторжения. Сталин впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу. Объявить о начале войны было поручено зампредсовнаркома В.М. Молотову, который в 12 час. дня 22 июня выступил по радио с сообщением о вероломном нападении на СССР фашистской Германии. Тезис о «вероломном нападении» явно исходил от вождя. Им как бы подчеркивалось, что Советский Союз не давал повода для войны. Да и как было объяснить народу, почему недавний друг и союзник нарушил все существующие соглашения и договоренности!

Тем не менее стало очевидно, что нужно предпринимать какие-то действия для отражения агрессии. Была объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения (1919–1922 гг. уже находились в армии). Это позволило поставить дополнительно под ружье 5,3 млн человек, которые немедленно отправлялись на фронт, зачастую сразу в самое пекло сражений. Был создан Совет по эвакуации для вывоза населения из охваченных боевыми действиями районов.

⁶⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ПИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

⁶⁵ Медведев Р. Был ли кризис в руководстве страной в июне 1941 года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005.

23 июня была образована Ставка Главного Командования во главе с народным комиссаром обороны маршалом С.К Тимошенко. Сталин фактически уклонился от того, чтобы возглавить стратегическое руководство войсками.

Окружение вождя повело себя более решительно. Оно выступило с инициативой создания чрезвычайного органа управления страной с неограниченными полномочиями, возглавить который было предложено Сталину. После некоторых колебаний последний вынужден был согласиться. Стало ясно, что уйти от ответственности нельзя и надо идти до конца вместе со страной и народом. 30 июня был образован Государственный Комитет Оборона (ГКО)»⁶⁶.

Однако в последнее время благодаря стараниям некоторых исследователей⁶⁷, занимавшихся этим вопросом, а также публикации Журналов записи посещений кабинета И.В. Сталина⁶⁸ миф о том, что Сталин в первый-второй день войны «впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу», где пребывал до начала июля, был уничтожен.

* * *

Другая версия сталинской «прострации» такая, что «прострация» длилась не неделю, а несколько дней, в самом начале войны, 23–24 июня. Тем, что 22 июня 1941 г. по радио выступил Молотов, а не Сталин, иногда пытаются доказать, что Сталин не выступил потому, что растерялся, не смог и т. д.

Хрущев пишет (уже от себя, а не передает слова Берии) о первом дне войны:

«Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями»⁶⁹.

А вот что пишет Микоян о 22 июня 1941 г.: *«Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина – Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу – всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.*

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу»⁷⁰.

А.И. Микоян пишет о 24 июня:

«Немного поспали утром, потом каждый стал проверять свои дела по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим и т. д.

⁶⁶ Соколов А.К., Тяжельников В.С. Курс советской истории, 1941–1991. Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1999. 415 с.

⁶⁷ Медведев Р. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны// Новая и новейшая история, № 2, 2002; Были ли кризис в руководстве страной в июне 1941 года? // «Государственная служба», 3 (35), май – июнь 2005; Пыхалов И. Великая Оболганная война. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 284–303; Куртуков И. Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г.

⁶⁸ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. Оп. 1.В. 412. Л. 153–190, Л. 1–76; Д. 414. Л. 5–12; л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1–83 об.; Л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12 —104; Д. 417. Л. 1–2 об.).

⁶⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

⁷⁰ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево)»⁷¹.

А вот что пишет Микоян о 22 июня:

«Далее он [Молотов] рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

– Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступить первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

– Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» – стали одним из главных лозунгов войны.

– Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

* * *

– Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

– Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять»⁷².

Почему Сталин не выступил в первый день, в 12 часов дня, предоставив это право Молотову, понятно – было еще не ясно, как развивается конфликт, насколько он широк, полномасштабная ли это война или какой-то ограниченный конфликт. Были предположения, что от немцев могут последовать какие-то заявления, ультиматумы. И самое главное, были основания считать, что советские войска сделают с агрессором то, что им вменялось в обязанность, – нанесут сокрушающий ответный удар, перенесут войну на территорию противника, и не исключено, что через несколько дней немцы запросят перемирия. Ведь именно уверенность в способности советских Вооруженных Сил справиться с внезапным нападением была одним из факторов (наряду с пониманием неполной готовности войск к большой войне и невозможностью, по разным причинам, начать войну с Германией в качестве агрессора), давших Сталину основания отказаться от разработки превентивного удара по немцам в 1941 г.

Но что ответить на слова А.И. Микояна и Н.С. Хрущева? Ведь слов В.М. Молотова мало. Конечно, можно (да, в общем, и нужно) скрупулезно проанализировать деятельность советского руководства в первые дни войны, собрать перекрестные свидетельства очевидцев, воспоминания, документы, газетные сообщения. Но, к сожалению, в рамках этой статьи это невозможно.

⁷¹ Ibid.

⁷² *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000.

К счастью, есть источник, с помощью которого можно точно установить, был ли Сталин «совершенно парализован в своих действиях», был ли он «в таком подавленном состоянии, что не знал, что сказать народу», и т. п. Это Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина⁷³.

Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует:

21 июня – приняты 13 человек, с 18.27 до 23.00.

22 июня – приняты 29 человек с 05.45 до 16.40.

23 июня – приняты 8 человек с 03.20 до 06.25 и ^человек с 18.45 до 01.25 24 июня.

24 июня – приняты 20 человек с 16.20 до 21.30.

25 июня – приняты 11 человек с 01.00 до 5.50 и 18 человек с 19.40 до 01.00 26 июня.

26 июня – приняты 28 человек с 12.10 до 23.20.

27 июня – приняты 30 человек с 16.30 до 02.40

28 июня – принят 21 человек с 19.35 до 00.50

29 июня.

Таблицы полностью можно увидеть в приложении к статье.

Хорошо; если Сталин не пребывал в прострации с самого начала войны до 3 июля, то когда же он в нее впал? И что же такое эта прострация или депрессия, ведь подавленное состояние может быть разной степени тяжести. Иногда человек испытывает депрессию, но в то же время исполняет свои обязанности, а иногда человек выпадает из жизни на какое-то время полностью, не делая вообще ничего. Это весьма разные состояния, например как состояние бодрствования и состояние сна.

Тот же Журнал записи посетителей кабинета И.В. Сталина свидетельствует, что до 28 июня включительно Сталин напряженно (как и все, надо полагать, военные и гражданские руководители) работал. 29 и 30 июня записи в Журнале отсутствуют.

А.И. Микоян пишет в своих воспоминаниях:

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой»⁷⁴.

Записи за 29 июня в Журнале, из которых следовало бы, что названные лица были у Сталина в Кремле вечером, отсутствуют. Может быть, А.И. Микоян ошибся и написанное им о встрече касается 28 июня, когда вечером этого дня у Сталина собрались в числе прочих Маленков, Молотов, Микоян и Берия, причем последние трое покинули кабинет в 00.50 ночью 29 июня? Но тогда ошибаются другие свидетели, пишущие о визите Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны именно 29 июня. Остается предположить, что по каким-то причинам записи о посещении Сталина Молотовым, Маленковым, Микояном и Берией в Журнале записи посетителей не производились.

29 июня 1941 г. была издана Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на отпор немецко-фашистским захватчикам. Однако скорее всего она была подготовлена вечером 28 июня.

⁷³ Горьков Ю.Л. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. – М., 2002. С. 222–469 (АПРФ.Ф. 45. Оп. 1. В. 412. Л. 153–190. Л. 1–76; Д. 414. Л. 5–12; Л. 12–85 об.; Д. 415. Л. 1–83 об.; л. 84–96 об.; Д. 116. Л. 12–104; Д. 417. л. 1–2 об.).

⁷⁴ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

По словам Г.К. Жукова, *«29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении»*⁷⁵.

О вечернем визите, о том, что происходило в его ходе и после него, известно. А со вторым визитом (или же первым по хронологии) неясно. О чем шла речь, когда он был, свидетельств не имеется. Может быть, первый визит в Наркомат обороны состоялся именно ночью (ранним утром) 29 июня, о сдаче Минска еще не было известно, и поэтому члены Политбюро, и И.В. Сталин в том числе, разъехались поспать.

Надо отметить еще то, что Наркомат обороны находился на улице Фрунзе. А Ставка Главного Командования, куда, по словам Жукова, Сталин также приезжал дважды в течение 29 июня, находилась, с момента создания, в кремлевском кабинете Сталина. Это с началом бомбежек Москвы она была переведена из Кремля на ул. Кирова (да к тому же на станции метро «Кировская» был подготовлен подземный центр стратегического управления Вооруженными силами, где были оборудованы кабинеты И.В. Сталина и Б.М. Шапошникова и разместились оперативная группа Генштаба и управлений Наркомата обороны). Но первая бомбежка Москвы была в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. Получается, что Сталин, помимо того, что дважды приезжал на ул. Фрунзе, в Наркомат, еще дважды приезжал в Кремль, где собирались члены Ставки. Может быть, в этом разгадка того, что Микоян написал: *«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия»*.

Днем 29-го слухи (в т. ч. сообщения иностранных новостных агентств) о падении Минска стали более основательными, сведений от военных о действительном положении вещей не было (по телефону), связь с войсками Белорусского фронта отсутствовала, Сталин небезосновательно предположил, что столица Белоруссии, может быть, уже захвачена германскими войсками. И второй (по словам Жукова) за 29 июня визит Сталина и членов Политбюро в Наркомат обороны был уже далеко не столь мирным.

Вот что рассказывает об этом визите его непосредственный участник, А.И. Микоян:

«Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует.

Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилён руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним.

Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него еще были мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову. Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внес я. Главное тогда

⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2002. С. 287.

было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. По войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручен»⁷⁶.

Эта цитата из рукописей воспоминаний А.И. Микояна, хранящихся в РЦХИДНИ, т. е. этот текст можно считать изначальным. А вот рассказ об этом же из книги «Так было», изданной в 1999 г. издательством «Вагриус»:

«В Наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи – никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые.

Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик – это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен»⁷⁷.

По словам издателя, сына А.И. Микояна, С.А. Микояна, основой послужил текст 3-го тома мемуаров, находившийся на момент смерти автора в Политиздате.

«Третий том, начинавшийся с периода после 1924 г., находился в работе в Политиздате, когда отца не стало, он умер 21 октября 1978 г., не дожив месяца до 83 лет. Через несколько недель меня вызвали в издательство и сообщили, что книга исключена из планов, а вскоре я узнал, что это было личное указание Суслова, побаивавшегося отца до самой его смерти и теперь осмелевшего. Сравнение диктовок отца с текстом, подвергшимся экзекуции редакторов, показало, что в ряде случаев мысли автора были искажены до неузнаваемости»⁷⁸.

Поскольку мемуары А.И. Микояна крайне важны как источник, необходимо бы обращаться к неискаженной их версии. А то, что широко распространенная версия довольно сильно искажена, можно легко увидеть, сравнив эти две цитаты. Причем в дальнейшем подобные разночтения и несоответствия настолько односторонни, что возникают основания предположить, что эти мемуары готовились автором к печати во время правления Н.С. Хрущева. Возможно, изначальный текст подвергся правке именно в то время, поэтому все дополнения сделаны, чтобы укрепить читателя в том, что «прострация» Сталина была продолжительна, многодневна, а главное, в том, что Сталин и в самом деле отказался от управления страной, от власти и его соратникам пришлось уговаривать его взять бразды правления в руки.

Итак, Сталин убедился в том, как все плохо на фронте, что армейское руководство не оправдало доверия, утратило управление войсками на самом ответственном участке фронта, а между политическим и военным руководством наметился конфликт, недопонимание какое-

⁷⁶ 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

⁷⁷ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁷⁸ Ibid.

то. Может быть, это всколыхнуло в Сталине те подозрения, которыми он руководствовался, вскрывая и выкорчевывая военно-фашистские заговоры в армии. Ведь репрессированные военачальники обвинялись и в том, что в случае войны собирались перейти на сторону врага, подрывать обороноспособность, намеренно плохо командовать и всячески вредить. А то, что происходило на фронте, походило на вредительство – немцы продвигались практически теми темпами, как в Польше или во Франции, а руководство Красной Армии, несмотря на то что регулярно уверяло Сталина в способности в случае нападения агрессора удержать его и через короткое время перейти в решающее контрнаступление, оказалось несостоятельным.

С такими (возможно) мыслями Сталин вышел из Наркомата обороны и сказал соратникам знаменитую фразу. По воспоминаниям Микояна, было так:

«Когда мы вышла из Наркомата, он такую фразу сказал: Ленин оставил нам великое наследие, мы – его наследники – все это просрали. Мы были поражены высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно мы потеряли? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта...»⁷⁹.

Об этом же вспоминает и Молотов:

«Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или на третий день⁸⁰. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

– А вот Чаковский пишет, что он...

– Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. «Все просрали», – он просто сказал. А мы просрали. Такое было трудное состояние тогда. – Ну, я старался его немножко ободрить»⁸¹.

Берия, по словам Хрущева, рассказал ему, что дело было так:

«Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Буквально так и выразился. «Я, – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на Ближнюю дачу. Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше?»⁸².

Н.С. Хрущев, приводя слова Берии, неточен. Как следует из воспоминаний Микояна, свое заявление Сталин сделал, выйдя из Наркомата, после чего вместе с группой товарищей уехал на дачу. Микояна на даче не было, соответственно если бы Сталин заявил: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его просрали. Я отказываюсь от руководства» – на даче, Микоян не услышал бы ни первой, ни второй его части. А он первую часть услышал, о чем и написал в мемуарах.

Хрущев неточен и в следующем: Берия якобы сказал, что он остался, а Сталин уехал на дачу, но сам Берия, обращаясь к Молотову в 1953 г., определенно пишет, что он вместе с Молотовым был на даче Сталина.

⁷⁹ 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

⁸⁰ Речь идет о 29 июня, так как обсуждается роман Чаковского, в котором описан этот визит.

⁸¹ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 60–61.

⁸² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

Но самое главное не это, все это можно было бы списать на аберрацию памяти Н.С. Хрущева и фрагментацию ее, главное – слова Сталина, что он отказывается от руководства. Это очень важный момент. Допустимо ли принять интерпретацию Хрущевым якобы слов Берии, что Сталин и впрямь отказался от руководства?

Во всем остальном, поведенном в этом рассказе, Хрущев несколько неточен. Слова Хрущева – не очевидца – не подтверждаются воспоминаниями Молотова и Микояна, очевидцев. Ни первый, ни второй ни слова не сказали о том, что Сталин отказался от власти. А уж это было бы посильнее, чем слово «просрали». Это бы точно было запомнено и отмечено если не Молотовым, который в какой-то мере обелял Сталина, то уж Микояном точно, особенно если вспомнить об антисталинской направленности редактуры его мемуаров.

Американский исследователь И. Куртуков, занимавшийся данным вопросом, заявил, что слов Хрущева достаточно, чтобы сделать вывод: Сталин в какой-то момент 29–30 июня 1941 г. отрекся от власти, нужно лишь установить, сделал он это под влиянием депрессии, сгоряча, или обдуманно – чтобы испытать своих соратников, заставить их просить его о возвращении во власть, наподобие того как Иван Грозный заставил своих бояр идти к нему на поклон.

«Трудно сказать, было ли это искренним импульсивным поступком или тонким ходом, рассчитанным как раз на то, что Политбюро соберется и попросит его обратно во власть, но факт явно имел место быть»⁸³.

Соображения о том, что мемуары Хрущева, в силу явной неприязни к Сталину их автора и общей склонности

Н.С. Хрущева к искажению исторической правды, не могут быть признаны достаточным основанием для того, чтобы сделать такой вывод, г-н Куртуков дезавуирует следующим образом: воспоминания Хрущева (точнее, пересказ тем слов Берии) состоят из тех же фрагментов, что и воспоминания Молотова и записка Берии Молотову, просто «у Хрущева эти фрагменты перепутаны». Куртуков признает, что «Хрущев работает как глухой телефон» и «знает историю только со слов Берия», рассказывая ее «много позже событий», но считает, что правоту слов Хрущева об отказе Сталина от власти подтверждает дальнейшее развитие событий.

Допустим, что события, изложенные Хрущевым, хронологически перепутаны, но в отдельности происходили. Но ни у Молотова, ни у Берии не говорится о том, что Сталин заявил об отказе от власти. Нет у них таких фрагментов.

И. Куртуков приводит цитату из разговора Молотова с Чуевым:

«Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. /.../ Трудно, сказать двадцать второго это было или двадцать третьего это было, такое время, когда сливались один день с другим» (Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. – М.: Олма-Пресс, 2000. С. 399)⁸⁴.

И сопровождает эту цитату комментарием:

««Двадцать второе или двадцать третье» пусть тут не смущают, они всплыли из хрущевской версии, которую как раз Чуев с Молотовым обсуждал. Конечно, невозможно через 43 года точно вспомнить дату событий, важно подтверждение факта «прострации»⁸⁵.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением И. Куртукова насчет датировки цитаты, и в этом случае имеет смысл воспроизвести эту цитату без купюр:

⁸³ Куртуков И. Бегство Сталина на дачу в июне 1941 г...

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

«— Ну конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.

— Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».

— Не так. Трудно сказать, двадцать второго или двадцать третьего это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» — таких слов я не слышал. И считаю их маловероятными»^.

Действительно, воспоминание Молотова относится ко времени их с Берией визита на сталинскую дачу в ночь с

29 на 30 июня 1941 года, и Молотов прямо подтверждает, что никаких отказов Сталина от власти он не слышал. А поскольку он, в отличие от Хрущева, на пересказе якобы слов Берии которым И. Куртуков строит доказательства того, что Сталин все-таки от власти отрекался, был очевидцем, его свидетельство будет, во всяком случае, не хуже. А скорее всего, основательнее.

Свою работу И. Куртуков подытоживает так:

«Утром и днем 29 июня 1941 г. Сталин работал: подписал некоторые документы и посетил Наркомат обороны, узнав там удручающие новости.

Вечером 29 июня 1941 г. после посещения Наркомата Сталин, Молотов, Берия и другие отправляются на Ближнюю дачу, в Кунцево, где генсек и сделал историческое заявление, что «мы все просрали» и что он уходит от власти.

30 июня 1941 г. Молотов собрал у себя в кабинете членов Политбюро, они наметили решение о создании Государственного Комитета Обороны и отправились к Сталину на дачу с предложением этот комитет возглавить.

Сталин за это время, вероятно, отошел, предложение товарищей принял и с 1 июля 1941 г. вернулся к обычному ритму трудовой деятельности».

Версия И. Куртукова вполне правдоподобна за исключением нескольких фрагментов:

◆ Сталин сказал «мы все просрали» не на даче, а после посещения Наркомата обороны, перед отъездом на дачу;

◆ Сталин вернулся к «обычному ритму трудовой деятельности» не 1 июля, а 30 июня, т. к. принял активное участие в работе только что созданного ГКО, вел телефонные переговоры, принимал кадровые решения и т. д.;

◆ то, что Сталин сказал, что «уходит от власти», выглядит несколько интуитивистским выводом, потому что источник (мемуары Хрущева), на основании которого делается столь определенный вывод, крайне ненадежен, к тому же опровергается воспоминаниями Молотова. Можно было бы предположить, что такая фраза могла прозвучать в той или иной форме (например, «я устал»), но вряд ли корректно столь категорично утверждать, что Сталин добровольно отказался от руководства и сказал: «Я ухожу».

* * *

Итак, вечером 29 июня, может быть, уже и ночью 30-го Сталин, Молотов и Берия (и, возможно, Маленков) приехали на сталинскую Ближнюю дачу в Кунцево, там состоялась беседа, о содержании которой Берия пишет в 1953 г. в своей записке Молотову:

«Вячеслав Михайлович! [...]Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным на его Ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г.М., а спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в

Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его о немедленной организации Комитета Обороны Страны со всеми правами»⁸⁶.

Эта записка должна восприниматься, наряду с журналами записей посетителей сталинского кабинета, как наиболее ценный источник по данному вопросу, т. к. мемуары люди пишут обычно в безопасности и не особенно боятся нечеткости памяти, и даже если мемуарист что-то приукрасит, то это вызовет лишь неудовольствие тех, кто знает, как оно было на самом деле. А вот Берия писал записку, пытаясь спасти свою жизнь, и врать ему о фактах не было никакой возможности – он, конечно, льстил адресатам, но обстоятельства способствовали искренности.

Можно предположить, что именно во время этой беседы подавленность Сталина достигла крайней точки. Конечно, разговор шел о том тяжелом положении, в котором оказалась страна. Вряд ли беседа не могла затронуть недавнее посещение Наркомата обороны и вопросы управления армией. Может быть, речь зашла и о том, что не всех врагов еще изыняли из армии, ведь репрессии в Вооруженных силах продолжались. В июне 1941 г. были арестованы Смушкевич, Рычагов, Штерн, а уже после начала войны – Проскуров и Мерецков. Сохранилась и склонность к построению ветвистых «заговоров», так как некоторых из арестованных, например Мерецкова, помимо связки с «делом Штерна» пытались пристегнуть и к Павлову, которого арестовали несколькими днями позднее и который пока еще был комфронта. Раз страна оказалась в тяжелом положении, должны быть ответственные за это, а кто более подходил на роль козлов отпущения, чем военные, которые не справились со своими обязанностями. На фоне этого у Сталина могли возникнуть опасения о том, что военные способны выйти из-под контроля, попытаться сменить политическое руководство, совершить государственный переворот или даже вступить в переговоры с немцами. В любом случае было ясно – чтобы попытаться выйти из этого тяжелого положения, нужно продолжать воевать, а для этого надо возобновить управление войсками и управление военачальниками – полное и безоговорочное.

* * *

30 июня, вероятно часов в 14, в молотовском кабинете встретились Молотов и Берия. Молотов заявил Берии, что надо «спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины». Берия его «целиком поддержал» и предложил «немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М.», после чего «спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве».

Микоян с Вознесенским пригласили к Молотову около 16 часов.

«На следующий день, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему.

Идем. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились. Договорились во главе ГКО поставить Сталина,

об остальном составе ГКО не говорили. Мы считали, что в имени Сталина настолько большая сила в сознании, чувствах и вере народа, что это облегчит нам мобилизацию и

---

⁸⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФ «Демократия», 1999. С. 76 (АП РФ.Ф. 3. Оп. 24. Д. 463, Л. 164–172. Автограф. Опубликовано: «Источник», 1994, № 4).

руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на Ближней даче»⁸⁷.

Возникают вопросы – не было ли создание ГКО обсуждено со Сталиным во время ночной беседы? Нельзя полностью отрицать, что создание ГКО было согласованным – между Сталиным, Берией и Молотовым либо между Сталиным и Молотовым – шагом. Прямых доказательств, как и опровержений, этому нет, но если вспомнить, что Молотов без ведома Сталина не предпринимал никаких глобальных инициатив и был всегда лишь исполнителем, странно, почему он вдруг решился на столь неординарную акцию – создать орган власти с диктаторскими полномочиями. Не исключено также, что Молотов 30 июня говорил со Сталиным по телефону и хотя бы в общих чертах обговорил создание ГКО. А может быть, в беседе Сталин дал понять, без конкретизации, что такой орган обязательно нужен. А Молотов с Берией срочно разработали план, всем объяснили его суть и приехали к Сталину уже с готовым решением. Такую версию (что создание ГКО было инициативой Сталина) выдвинул И.Ф. Стаднюк.

«Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Оборона в главе с ним самим, Сталиным. В то же время разъединялась «троица» в Наркомате обороны: Тимошенко в этот же день был отправлен на Западный фронт в качестве его командующего, генерал-лейтенант Ватутин – заместитель начальника Генштаба – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии.

По моему глубокому убеждению, создание ГКО и служебные перемещения в военном руководстве – это следствие ссоры, отпыхавшей 29 июня вечером в кабинете маршала Тимошенко»⁸⁸.

То, что создание ГКО так или иначе стало следствием ссоры в Наркомате обороны, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но то, что Сталин утром 30 июня прибыл в Кремль и начал там создавать ГКО, – крайне маловероятно.

В любом случае, даже если Молотов и выступил инициатором создания ГКО, это не может свидетельствовать о том, что Сталин добровольно отказался от власти, а вот о том, что Сталин был удручен недостаточной концентрацией власти в своих руках в такое тяжелое, военное время и об этом сказал Молотову с Берией во время встречи на даче, это вполне может свидетельствовать. И Молотов (который сказал Чуеву, что «поддерживал» Сталина как раз в эти дни) правильно понял задачу. Тем более что ГКО не был чем-то экстраординарным.

17 августа 1923 г. из Совета труда и обороны РСФСР был образован Совет труда и обороны СССР (СТО). Председателями его были последовательно Ленин, Каменев и Рыков, а с 19 декабря 1930 г. – Молотов.

«27 апреля 1937 г. (почти одновременно с организацией узких руководящих комиссий в Политбюро) Политбюро приняло решение о создании Комитета обороны СССР при СНК СССР. Новый комитет фактически заменил Совет труда и обороны СССР (который был упразднен тем же решением от 27 апреля) и совместную комиссию Политбюро и СНК по обороне, работавшую с 1930 г. В Комитет обороны под председательством Молотова вошли семь членов (В.М. Молотов, И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, В.Я. Чубарь, М.Л. Рухимович, В.И. Межлаук) и четыре кандидата в члены (Я.Б. Гамарник, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Н.И. Ежов). Таким образом, Комитет обороны по своему составу в значительной мере совпадал с узкими руководящими комиссиями Политбюро. По сравне-

⁸⁷ 1941 год. т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

⁸⁸ Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. – М., 1993. С. 364.

нию с прежней комиссией обороны Комитет обороны имел более значительный аппарат. В декабре 1937 г. по этому поводу было принято специальное решение Комитета обороны, утвержденное затем Политбюро, которое предусматривало, что аппарат Комитета обороны должен готовить к рассмотрению в Комитете вопросов мобилизационного развертывания и вооружения армии, подготовки народного хозяйства к мобилизации, а также проверять исполнение решений Комитета обороны. Для контроля за исполнением решений создавалась специальная главная инспекция Комитета обороны, получившая широкие права, в том числе за счет упраздняемых отдела обороны Госплана и групп военного контроля Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля»⁸⁹.

С момента существования Советской страны существовал орган, в функции которого, помимо оборонных задач, входил контроль за экономикой, а в случае войны он должен был организовать оборону СССР. Состав КО практически совпадал с партийной верхушкой, т. е. в случае войны оборону страны должна была организовывать партия и военными командовать – тоже она. И недаром СТО был преобразован в КО в апреле 1937 г., перед началом процесса антисоветской троцкистской военной организации («дело Тухачевского»), которая, по утверждению следствия, планировала военный переворот на 15 мая 1937 г. Армию предстояло «чистить», а без партийного главенства над армией это представлялось делом трудным.

Главой Комитета обороны до 7 мая 1940 г. был Молотов, сменивший Литвинова на посту наркома иностранных дел, Молотова же сменил Ворошилов. Членами Комитета обороны были, в частности, Кулик, Микоян и Сталин. В 1938 г. был создан Главный Военный Совет РККА, членом которого стал И.В. Сталин.

В дальнейшем по мере того, как Сталин продвигался к тому, чтобы совместить пост генсека ЦК ВКП(б) и должность Председателя СНК СССР, т. е. сосредоточить в своих руках и партийную, и советскую ветви власти в стране, продолжилось строительство нового, внеконституционного органа, который бы в случае необходимости мог взять себе всю власть в стране – установить практическую диктатуру

«10 сентября 1939 г. Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК ВКП(б), более четко разделившее функции Комитета обороны и Экономсовета, прежде всего в оборонной сфере. /.../

Тенденция усиления роли Совнаркома особенно отчетливо проявилась в предвоенные месяцы. 21 марта 1941 г. было принято два совместных постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о реорганизации Совнаркома СССР, которые значительно расширяли права руководства правительства. [...]

Окончательно легитимация передачи прав СНК как коллективного органа высшим руководителям СНК произошла благодаря постановлению СНК и ЦК от 21 марта 1941 г. «Об образовании Бюро Совнаркома». Этот новый орган власти, хотя и не был предусмотрен Конституцией СССР, на основании постановления от 21 марта был «облечен всеми правами Совнаркома СССР». [...] Членами Бюро были назначены В.М. Молотов, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, А.А. Андреев.

Фактически Бюро Совнаркома взяло на себя значительную часть обязанностей, которые ранее выполняли Комитет обороны и Экономический совет при СНК. В силу этого Экономсовет постановлением от Бюро Совнаркома был вообще ликвидирован, а состав Комитета обороны сокращен до пяти человек. Функции Комитета обороны были ограничены вопросами принятия на вооружение новой военной техники, рассмотрения военных и военно-морских заказов, разработкой мобилизационных планов с внесением их на утверждение в ЦК и СНК [...]

⁸⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

7 мая Политбюро утвердило новый состав Бюро Совнаркома СССР: председатель СНК СССР И.В. Сталин, первый заместитель председателя СНК Н.А. Вознесенский, заместители председателя СНК В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, а также секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК при ЦК А.А. Андреев. 15 мая 1941 г. в состав Бюро был введен заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК К.Е. Ворошилов и первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. 30 мая 1941 г. – секретари ЦК ВКП(б) А.А. Жданов и Г.М. Маленков. [...]

При Сталине произошло дальнейшее расширение прав Бюро Совнаркома. Например, 30 мая 1941 г. был упразднен Комитет обороны при СНК и вместо него организована постоянная Комиссия по военным и военно-морским делам при Бюро Совнаркома СССР в составе: Сталин (председатель), Вознесенский (заместитель председателя), Ворошилов, Жданов и Маленков»⁹⁰.

В общем, к началу войны партийная и советская – и вообще всякая власть принадлежала одним и тем же людям, а главным над ними был И.В. Сталин.

Когда Молотов предложил создать ГКО, он не предложил ничего нового. Он предложил создать временный, чрезвычайный орган, «которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии». А власть в ГКО должна принадлежать «пятерке Политбюро» – Сталину, Молотову, Ворошилову, Маленкову и Берии⁹¹. Но этот новый орган, по сути, формально объединял уже существующие партийные и советские органы.

Итак, примерно в 16 часов к Молотову пришли Микоян с Вознесенским, какое-то время заняло обсуждение, потом решили ехать к Сталину на дачу. Вот как приезд на дачу выглядит в «изначальных» воспоминаниях Микояна:

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Он вопросительно смотрит на нас и спрашивает: зачем пришли? Вид у него был спокойный, но какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит.

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного комитета обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия)»⁹².

А вот как в «правленных».

«Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Обороны. «Кто во главе?» – спросил Сталин. Когда Молотов ответил, что во главе – он, Сталин, тот посмотрел удивленно, никаких соображений не высказал. «Хорошо», – говорит потом.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Раньше (в 1937 г., например) в пятерку входили Каганович с Микояном, но к началу войны их заменили Маленков с Берией.

⁹² 1941 год. Т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Оборона. «Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я», – добавил он»⁹³.

Возникает вопрос по сути – а может быть, Сталин и собирался всех созвать? Приехал бы в Кремль, кого надо созвал. Сталин часто приезжал в Кремль к 7 часам вечера, например, 23 июня он приехал к 18.45, 25 июня – к 19.40, а 28 июня – к 19.35.

А группа товарищей прибыла к нему как раз к этому времени, а то и раньше. Тем более – зачем бы Сталину ехать в Кремль и всех там собирать, если он, скорее всего, знал о том, что к нему собираются члены Политбюро в столь широком составе, в то время, когда они собирались выехать из Кремля. Вероятно, они со Сталиным созванивались, перед тем как к нему ехать.

Слова о том, что, дескать, у Микояна «не было сомнений: он [Сталин] решил, что мы приехали его арестовать», однотипны со словами Хрущева:

«Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию?»⁹⁴. И не вызывают ничего, кроме устойчивых сомнений.

Далее, вполне возможен вариант, что товарищи (Берия с Молотовым) придали подавленности Сталина (в беседе на даче в ночь с 29 на 30 июня) намного большее значение, чем ей придавал сам Сталин и чем она была в действительности. Мало ли людей вечером машут рукой и говорят – все надоело, а с утра спокойно продолжают делать свое дело? Конечно, Сталин вряд ли часто проявлял свои чувства перед соратниками, и более-менее яркое их проявление (а оснований было достаточно) могло всерьез напугать Молотова с Берией, но это не значит, что Сталин чувствовал именно то, что они ему приписали. С этой точки зрения удивление Сталина неожиданным визитом вполне понятно. Может быть, Сталин после отъезда товарищей решил выпить вина, выспаться, а завтра приступить к делам. А тут на следующий день – такая делегация.

«Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит.

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Оборона. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия).

Сталин заметил: тогда надо включить и Микояна и Вознесенского. Всего 7 человек утвердить.

Берия снова говорит: товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнарком, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в Правительстве и Госплане. Вознесенский выступил против предложения Берии и предложил, чтобы в составе ГКО было семь человек с учетом названных Сталиным. Другие на эту тему не высказывались. Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он (Берия) согласовали между собой это предложение и поручили Берии внести его на рассмотрение Сталина. Я был возбужден тем, что мы тянем время, поскольку вопрос касался и моей кандидатуры. Считал спор неуместным. Знал, что как член Политбюро и Правительства буду нести все равно большие обязанности.

---

⁹³ Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.

⁹⁴ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 300–301.

Я сказал – пусть в ГКО будет 5 человек. Что же касается меня, то, кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня особо уполномоченным ГКО со всеми правами ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим. Так и решили. Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, а авиационная промышленность и вообще дела авиации – на Маленкова. За Берией была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством»⁹⁵.

После обсуждения этих вопросов был подготовлен указ об образовании ГКО (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1941 г.), затем Сталин, уже будучи главой ГКО, занялся кадровыми вопросами.

Пишет Жуков Г.К. в своих воспоминаниях: «30 июня мне в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова»²².

Был отстранен от командования Западным фронтом

Д.Г. Павлов. Вместо Павлова командующим Западным фронтом назначен С.К. Тимошенко. Ватутин назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Также в этот день, 30 июня, ГКО принял ряд постановлений о мобилизации женщин и девушек для несения службы в войсках ПВО, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т. д.

Сталин в этот день к Кремль уже не поехал, а на следующий день, 1 июля, принял в своем кабинете 23 человека с 16.40 до 01.30 2 июля.

* * *

Какие можно сделать выводы.

1. «Прострация» Сталина, если под этим считать неспособность выполнять свои обязанности, выпадение из жизни, именно то, что подразумевалось в мифе, придуманном Н.С. Хрущевым, отсутствовала вообще. Не было ее.

2. «Прострация» Сталина, если под этим считать подавленное состояние, выраженное плохое настроение, длилась с 29 по 30 июня, и надо отметить, что 29 июня – в воскресенье – рабочий день Сталина отличался от предыдущих лишь отсутствием записей в Журнале приема посетителей, хотя Сталин неоднократно выезжал в этот день в НКО и СГК.

3. Отказ Сталина от власти подтверждается словами Хрущева и опровергается словами Молотова, если говорить об источниках.

Косвенными доказательствами того, что Сталин не отказывался от власти, могут считаться:

♦ отсутствие каких-либо упоминаний об этом, помимо мемуаров Хрущева, которые, по сравнению с мемуарами других участников событий, крайне тенденциозны и ненадежны;

♦ известные по многочисленным свидетельствам личностные особенности И.В. Сталина никоим образом не характеризуют его как человека, способного отказаться от власти, а напротив, крайне властолюбивого.

Приложение

ВЫПИСКИ ИЗ ЖУРНАЛА ПОСЕЩЕНИЙ КАБИНЕТА И.В. СТАЛИНА (22–28 ИЮНЯ 1941 Г.)

⁹⁵ 1941 год. т. 2. – М., 1998. С. 495–500 (РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126).

Июнь 1941

22 июня 1941 года

1. Молотов НКО, зам. Пред. СНК	5.45—12.05
2. Берия НКВД	5.45—9.20
3. Тимошенко НКО	5.45—8.30
4. Мехлис Нач. ГлавПУР КА	5.45—8.30
5. Жуков НГШ КА	5.45—8.30
6. Маленков Секр. ЦК ВКП(б)	7.30—9.20
7. Микоян зам. Пред. СНК	7.55—9.30
8. Каганович НКПС	8.00—9.35
9. Ворошилов зам. Пред. СНК	8.00—10.15
10. Вышинский сотр. МИД	7.30—10.40
11. Кузнецов	8.15—8.30
12. Димитров чл. Коминтерна	8.40—10.40
13. Мануильский	8.40—10.40
14. Кузнецов	9.40—10.20
15. Микоян	9.50—10.30
16. Молотов	12.25—16.45
17. Ворошилов	10.40—12.05
18. Берия	11.30—12.00
19. Маленков	11.30—12.00
20. Ворошилов	12.30—16.45
21. Микоян	12.30—14.30
22. Вышинский	13.05—15.25
23. Шапошников зам. НКО по УР	13.15—16.00
24. Тимошенко	14.00—16.00
25. Жуков	14.00—16.00
26. Ватутин	14.00—16.00
27. Кузнецов	15.20—15.45
28. Кулик зам. НКО	15.30—16.00
29. Берия	16.25—16.45
Последние вышли	16.45

23 июня 1941 года

1. Молотов чл. Ставки ГК	3.20—6.25
2. Ворошилов чл. Ставки ГК	3.20—6.25
3. Берия чл. Ставки ГК	3.25—6.25
4. Тимошенко чл. Ставки ГК	3.30—6.10
5. Ватутин 1-й зам. НГШ	3.30—6.10
6. Кузнецов	3.45—5.25
7. Каганович НКПС	4.30—5.20
8. Жигарев команд. ВВС КА	4.35—6.10
Последние вышли	6.25

23 июня 1941 года

1. Молотов	18.45—01.25
2. Жигарев	18.25—20.45
3. Тимошенко НКО СССР	18.59—20.45
4. Меркулов НКВД	19.10—19.25
5. Ворошилов	20.00—01.25
6. Вознесенский Пред. Госпл., зам. Пред. СНК	20.50—01.25
7. Мехлис	20.55—22.40
8. Каганович НКПС	23.15—01.10
9. Ватутин	23.55—00.55
10. Тимошенко	23.55—00.55
11. Кузнецов	23.55—00.50
12. Берия	24.00—01.25
13. Власик нач. личн. Охраны ИВС	00.50—00.55
Последние вышли	01.25 24/VII 41

24 июня 1941 года

1. Малышев	16.20—17.00
2. Вознесенский	16.20—17.05
3. Кузнецов	16.20—17.05
4. Қизаков (Лен.)	16.20—17.05
5. Зальцман	16.20—17.05

6. Попов	16.20—17.05
7. Кузнецов (Кр. м. фл.)	16.45—17.00
8. Берия	16.50—20.25
9. Молотов	17.05—21.30
10. Ворошилов	17.30—21.10
11. Тимошенко	17.30—20.55
12. Ватутин	17.30—20.55
13. Шахурин	20.00—21.15
14. Петров	20.00—21.15
15. Жигарев	20.00—21.15
16. Голиков	20.00—21.20
17. Щербаков секр. 1-й МГК	18.45—20.55
18. Каганович	19.00—20.35
19. Супрун летч.-испыт.	20.15—20.35
20. Жданов чл. п/бюро, секр.	20.55—21.30
Последние вышли	21.30

25 июня 1941 года

1. Молотов	01.00—05.50
2. Щербаков	01.05—04.30
3. Пересыпкин НКС, зам. НКО	01.07—01.40
4. Каганович	01.10—02.30
5. Берия	01.15—05.25
6. Меркулов	01.35—01.40
7. Тимошенко	01.40—05.50
8. Кузнецов НК ВМФ	01.40—05.50
9. Ватутин	01.40—05.50
10. Микоян	02.20—05.30
11. Мехлис	01.20—05.20
Последние вышли	05. 50

25 июня 1941 года

1. Молотов	19.40—01.15
2. Ворошилов	19.40—01.15
3. Малышев НК танкопром	20.05—21.10
4. Берия	20.05—21.10

5. Соколов	20.10—20.55
6. Тимошенко Пред. Ставки ГК	20.20—24.00
7. Ватутин	20.20—21.10
8. Вознесенский	20.25—21.10
9. Кузнецов	20.30—21.40
10. Федоренко команд. АБТВ	21.15—24.00
11. Каганович	21.45—24.00
12. Кузнецов	21.05—24.00
13. Ватутин	22.10—24.00
14. Щербаков	23.00—23.50
15. Мехлис	20.10—24.00
16. Берия	00.25—01.15
17. Вознесенский	00.25—01.00
18. Вышинский сотр. МИД	00.35—01.00
Последние вышли	01.00

26 июня 1941 года

1. Каганович	12.10—16.45
2. Маленков	12.40—16.10
3. Буденный	12.40—16.10
4. Жигарев	12.40—16.10
5. Ворошилов	12.40—16.30
6. Молотов	12.50—16.50
7. Ватутин	13.00—16.10
8. Петров	13.15—16.10
9. Ковалев	14.00—14.10
10. Федоренко	14.10—15.30
11. Кузнецов	14.50—16.10
12. Жуков НГШ	15.00—16.10
13. Берия	15.10—16.20
14. Яковлев нач. ГАУ	15.15—16.00
15. Тимошенко	13.00—16.10
16. Ворошилов	17.45—18.25
17. Берия	17.45—19.20
18. Микоян зам. Пред. СНК	17.50—18.20
19. Вышинский	18.00—18.10

20. Молотов	19.00—23.20
21. Жуков	21.00—22.00
22. Ватутин 1-й зам. НГШ	21.00—22.00
23. Тимошенко	21.00—22.00
24. Ворошилов	21.00—22.10
25. Берия	21.00—22.30
26. Каганович	21.05—22.45
27. Щербаков 1-й секр. МГК	22.00—22.10
28. Кузнецов	22.00—22.20
Последние вышли	23.20

27 июня 1941 года

1. Вознесенский	16.30—16.40
2. Молотов	17.30—18.00
3. Микоян	17.45—18.00
4. Молотов	19.35—19.45
5. Микоян	19.35—19.45
6. Молотов	21.25—24.00
7. Микоян	21.25—02.35
8. Берия	21.25—23.10
9. Маленков	21.30—00.47
10. Тимошенко	21.30—23.00
11. Жуков	21.30—23.00
12. Ватутин	21.30—22.50
13. Кузнецов	21.30—23.30
14. Жигарев	22.05—00.45
15. Петров	22.05—00.45
16. Сококоверов	22.05—00.45
17. Жаров	22.05—00.45
18. Никитин ВВС КА	22.05—00.45
19. Титов	22.05—00.45
20. Вознесенский	22.15—23.40
21. Шахурин НКАП	22.30—23.10
22. Дементьев зам. НКАП	22.30—23.10
23. Щербаков	23.25—24.00

24. Шахурин	00.40—00.50
25. Меркулов зам. НКВД	01.00—01.30
26. Каганович	01.10—01.35
27. Тимошенко	01.30—02.35
28. Голиков	01.30—02.35
29. Берия	01.30—02.35
30. Кузнецов	01.30—02.35
Последние вышли	02.40

28 июня 1941 года

1. Молотов	19.35—00.50
2. Маленков	19.35—23.10
3. Буденный зам. НКО	19.35—19.50
4. Меркулов	19.45—20.05
5. Булганин зам. Пред. СНК	20.15—20.20
6. Жигарев	20.20—22.10
7. Петров Гл. констр. арт.	20.20—22.10
8. Булганин	20.40—20.45
9. Тимошенко	21.30—23.10
10. Жуков	21.30—23.10
11. Голиков	21.30—22.55
12. Кузнецов	21.50—23.10
13. Кабанов	22.00—22.10
14. Стефановский летч.-испыт.	22.00—22.10
15. Супрун летч.-испыт.	22.00—22.10
16. Берия	22.40—00.50
17. Устинов НК воор.	22.55—23.10
18. Яковлев ГАУ НКО	22.55—23.10
19. Щербаков	22.10—23.30
20. Микоян	23.30—00.50
21. Меркулов	24.00—00.15
Последние вышли	00.50

Алексей Исаев. Сказка о потерянной связи

Советская историография послевоенного периода сама загоняла себя в ловушку, порождая когнитивный диссонанс. С одной стороны, люди слышали «советское – значит отличное» о чудесных советских Т-34 и КВ. С другой стороны, были общеизвестны неудачи начального периода войны, когда Красная Армия стремительно откатывалась назад, сдавая один город за другим. Неудивительно, что людям было тяжело совместить два этих факта: чудо-оружие, привозящее из боя до сотни лунок от снарядов, и откатывающийся к Москве и Ленинграду фронт. Позднее на этой почве вырастили развесистую клюкву версии «все сломались». То есть чудо-танки были нечестно побеждены собственными командирами в маршах.

Строго говоря, советская историческая наука на страницах произведений уважаемых авторов давала достаточно информации для получения адекватной картины событий 1941 г. Однако правильные фразы про упреждение в развертывании тонули в потоке более простых и понятных тезисов: «советское – значит отличное», «Зорге предупреждал» и «репрессии среди высшего командного состава». Самым прозрачным объяснением было, конечно же, «внезапное нападение». Оно также интерпретировалось на самом примитивном уровне – разбуженные артиллерийской подготовкой утром 22 июня и бегающие в нижнем белье заспанные солдаты и командиры. Растерянных и не понимающих, что происходит, людей можно было брать «тепленькими». Понятно, что объяснение последующих поражений лета – осени 1941 г., таких как неудачи контрударов мехкорпусов, прорыв «линии Сталина» и окружение под Киевом и Вязьмой, беготней в калсынах уже не объяснялось.

Кроме того, чаще всего приводились данные по общей численности войск Красной Армии без учета ее пространственного расположения. Поскольку с точки зрения этих общих цифр немцы не имели численного превосходства, причины катастрофы начали искать в проблемах, лежащих вне плоскости оперативной и стратегической обстановки. Более того, ставшие известными цифры численности советского танкового и авиационного парка заставляли искать нечто великое и ужасное. Должно было случиться что-то страшное и необычное для того, чтобы в столкновении двух равных (с точки зрения достаточно абстрактных цифр) одна из них начала стремительно откатываться назад. Словно сломалась некая маленькая, но важная деталь в большом механизме, называемом армия большой страны.

Вообще говоря, мотивом поиска небольшой детали, из-за которой все рухнуло, была слабая надежда на простое изменение истории. Если деталь была небольшая, то ее можно было исправить. Красная Армия выстояла бы под ударами противника и война не прокатилась бы по всей европейской части страны, калеча и убивая людей и целые семьи. Сопутствующим продуктом обнаружения этой маленькой детали было бы назначение «стрелочника», ответственного за ее отсутствие или неисправность. Одним словом, движущей силой изысканий был лучик надежды. Понимание неотвратимости и неизбежности катастрофы было слишком тяжелой ношей.

Поиски детали, из-за которой все случилось, не прекращаются вот уже шесть десятилетий. В новейшее время появились завиральные теории о «забастовке» армии, личный состав которой был недоволен советской властью. Соответственно фактором, который позволял одним махом всех побивахом, стал политический строй. Предполагается, что царь-батюшка на троне вместо богопротивного генсека был бы надежной защитой от всех бед. Ранее люди были изобретательнее. В качестве рецепта счастья предлагалось приведение войск в боевую готовность. Выдвигался тезис, что если бы немногочисленные дивизии армий прикрытия были бы подняты по тревоге на день-два раньше, ситуация бы принципиально изменилась. Версию эту подпитывали мемуары некоторых наших военачальников, выдержанные

в духе «ну мы бы им дали, если бы они нас догнали». Но в технократическом обществе позднего СССР большую популярность получила версия об изъеме технического свойства. Роль страшного изъема Красной Армии была отдана связи. Действительно, даже на бытовом уровне было понятно, что разрозненные и лишённые управления войска были мало на что способны.

Известный советский историк В.А. Анфилов описывал состояние связи в первые дни войны иссиня-черной краской: «Положение частей 3-й армии усугублялось трудностями организации управления войсками, так как проводная связь была нарушена в первый же час войны. Отсутствовала и радиосвязь. Управление войсками осуществлялось только через делегатов связи. С фронтом штаб армии не имел связи в течение двух суток» (*Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк.* – М.: Воениздат, 1962. С. 107). Это даже не скромное рисование кисточкой, это энергичное закрашивание площади валиком с черной краской. Прочитав такое, интересующиеся войной люди должны были ужаснуться и все сразу понять про причины катастроф 1941 г. Оставалось только сочувственно поцокать языком и с выражением повторить: «В течение двух суток!»

В 1962 г., когда была издана цитируемая книга Анфилова, мало у кого была возможность рассмотреть ситуацию с разных сторон по документам. Сейчас совсем другие времена. Пресловутые «двое суток» вполне можно попробовать на зуб и пощупать. В журнале боевых действий Западного фронта мы находим следующие строки: «*Около 13–14 часов нач. оперотдела штаба 3 А полковник Пешков доложил: «8.00 части генерал-майора Сахно (56 сд) вели бой в районе Липск – Сопоцкин»* (ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 22). Далее дается детализация обстановки в полосе 3-й армии, занимающая почти страницу машинописного текста. О каких двух сутках отсутствия связи нам сообщает Анфилов?

Дальше – больше. В.А. Анфилов пишет: «Со штабом 10-й армии фронт потерял связь с самого начала нападения немцев» (*Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк.* – М.: Воениздат, 1962. С. 107). Однако начальник штаба 10-й армии генерал-майор Ляпин после выхода из окружения сообщил совсем другое. Вернувшись из белостокского «котла», он писал заместителю начальника штаба Западного фронта Маландину: «Связь со штабом фронта 22.6 была удовлетворительной не только по радио, но и по телеграфу Морзе и даже временами появлялась по ВЧ. Со штабами корпусов окончательно была потеряна связь 28.6 примерно в 22.00–23.00 в то время, когда Штарм готовился к переезду из района Волковыск в район Деречин» (ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 22). Т. е. у штаба 10-й армии была достаточно устойчивая связь со штабом фронта и подчиненными войсками. Хаос наступил, уже когда все было кончено (28 июня) и кольцо окружения замкнулось.

Бывший командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов на допросе в НКВД также оценивал состояние связи в первые дни войны куда менее драматично, чем послевоенный историк. Находясь в двух шагах от расстрела, он говорил: «*Проверка ВЧ показала, что эта связь со всеми армиями прервана. Примерно около 5.00 по междугородному телефону обходными линиями мне доложил обстановку Кузнецов. Он сообщил, что войска противника им сдерживаются, но что Сапоцкин весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба, и что противник на этом участке перешел в наступление, пока атаки отбиваем. Примерно в 7 часов прислал радиogramму Голубев [командующий 10-й армией], что на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты»*. Таким образом, у штаба фронта не было связи по ВЧ, что само по себе не является проблемой. ВЧ, т. е. закрытая телефонная связь с использованием высоких частот, не была самым распространенным видом связи. Такая связь осуществляется путем подключения группы маломощных длинно-

волновых передатчиков, настроенных на разные волны с промежутками между ними в 3–4 кГц, к обычным телефонным проводам. Токи высокой частоты, созданные этими передатчиками, распространяются вдоль проводов, оказывая очень слабое воздействие на радиоприемники, не связанные с этими проводами, и обеспечивая в то же время хороший, свободный от многих помех прием на специальных приемниках, присоединенных к этим проводам. Таковую роскошь в войну могли себе позволить далеко не всегда. Чаще в войсках использовались радио и телеграф, так называемые буквопечатающие аппараты БОДО. Соответственно вопреки утверждениям Анфилова два независимых источника утверждают, что с 3-й и 10-й армиями у штаба фронта связь была. Донесения принимались и приказы отправлялись.

Главной проблемой Западного фронта была не связь, а «окно» в полосе Северо-Западного фронта, через которое к Минску прорвалась 3-я танковая группа Германа Гота. Против самого слабого советского особого военного округа немцами были сосредоточены далеко превосходящие силы, в том числе две танковые группы. Без труда сокрушив оборонявшие границу части 8-й и 11-й армий, немецкие танковые группы глубоко вклинились в построение советских войск в Прибалтике. 4-я танковая группа двинулась на север, в направлении Ленинграда, а 3-я танковая группа развернулась на восток и юго-восток и из полосы Северо-Западного фронта вторглась в тыл Западного фронта Д.Г. Павлова. Даже если бы связь между штабом Западного фронта и подчиненными ему армиями была идеальной, предотвратить прорыв 3-й танковой группы Павлов уже не мог.

Западный фронт не стал исключением из правила. Неудачи войск Юго-Западного фронта в июне 1941 г. также объяснялись проблемами со связью. Анфилов пишет: «Так, например, 36-й стрелковый, 8-й и 19-й механизированные корпуса не имели радиосвязи во время наступления в районе Дубно» (*Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. – М.: Воениздат. 1962. С. 170). Непонятно, чем радиосвязь между мехкорпусами могла помочь в сражении у Дубно. Даже наличие современного спутникового «Инмарсата» вряд ли могло помочь командирам 8-го и 19-го механизированных корпусов. К моменту получения задачи на наступление в сторону Дубно 8-м механизированным корпусом Д.И. Рябышева 19-й корпус Н.В. Фекленко уже был отброшен к окраинам Ровно. 19-й корпус был атакован III моторизованным корпусом, обходившим Луцк. Под угрозой окружения у окраин Дубно 43-я танковая дивизия корпуса Н.В. Фекленко была вынуждена отступить на восток. Так что по внезапно полученному от советчиков из будущего «Инмарсату» Фекленко мог лишь Жизнерадостно сообщить Рябышеву о своем отходе.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя сложилось впечатление, что моя задача – это разоблачение советского историка Анфилова. Для своего времени его книги были настоящим прорывом в области исследования начального периода войны. Сейчас можно даже сказать больше – книги Анфилова были основаны на изданных в 1950-х сборниках документов. Претензия относительно взаимодействия между 36-м стрелковым, 8-м и 19-м механизированными корпусами – это чистой воды калька с директивы Военного совета Юго-Западного фронта № 00207 от 29 июня 1941 г. В ней указывались недостатки в действиях войск в первые дни войны. В оригинале тезис о связи между корпусами звучит следующим образом: «Связи с соседом никто не организует. 14-я кавалерийская и 141-я стрелковая дивизии находились между собой в 12 км, не знали о месте нахождения друг друга; фланги и стыки не обеспечиваются и не освещаются разведкой, чем пользуется противник для просачивания. Радио используется плохо. Радиосвязи между 36-м стрелковым корпусом и 8-м механизированным корпусом, 19-м механизированным корпусом не было из-за отсутствия волн и позывных». Заметим, что речь идет об организационных вопросах, а не о технической невозможности поддерживать связь по радио как таковой. Также надо сказать, что эта претензия

идет даже не первой по номеру. Первым пунктом директивы командование фронта указывало на недочеты в ведении разведки.

В.А. Анфиловым ситуация существенно драматизируется. Соединения Юго-Западного фронта получали все необходимые распоряжения, и проблемы со связью никоим образом не могут объяснять их неуспехи. В некоторых случаях лучше бы они эти приказы не получали. Попробую проиллюстрировать этот тезис конкретным примером.

После долгих мотаний по дорогам Львовского выступа командованию Юго-Западного фронта удалось 26 июня ввести в бой 8-й механизированный корпус. Однако развивать достигнутые в этот день результаты штаб фронта не стал. Вместо приказов на продолжение наступления механизированные корпуса получили приказ на... отход за линию стрелковых корпусов. Вот как описывает содержание и обстоятельства получения этого приказа командир 8-го механизированного корпуса Д.И. Рябышев в отчете о боевых действиях корпуса, написанном по горячим следам событий, в июле 1941 г.: «В 2.30 27.6.41 г. к командиру 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал ему следующий устный приказ командующего Юго-Западным фронтом: «37-й стрелковый корпус обороняется на фронте м. Почаюв Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

Аналогичный приказ получил наносивший контрудар 15-й механизированный корпус: «На основании приказа Юго-Западного фронта № 0019 от 28.6.41 г. [ошибка в документе, правильное 27-го. – А.И.] к утру 29.6.41 г. приказано отойти на рубеж Золочовских высот за оборонительную линию 37-го стрелкового корпуса для приведения себя в порядок».

Что же случилось? В мемуарах И.Х. Баграмяна (точнее, в воспоминаниях Ивана Христофоровича, подвергнутых «литературной обработке» с добавлением диалогов, которые никто спустя несколько лет помнить не может) это подается как отказ от стратегии контрударов мехкорпусами в пользу построения «упорной обороны» стрелковыми корпусами. Однако этот тезис не подтверждается документально. В оперативной сводке за 26 июня дана уничижительная оценка 36-му стрелковому корпусу: «Из-за неорганизованности, плохой сколоченности и недостаточной обеспеченности артиллерийскими снарядами в бою с противником в районе Дубно показали низкую боеспособность». Было бы странно предполагать, что с помощью этих соединений «низкой боеспособности» начальник штаба фронта Максим Алексеевич Пуркаев, человек старой школы, собирался удерживать немецкие танковые дивизии. Причина вывода механизированных корпусов из боя совсем другая. Основной ошибкой командования фронта была неверная оценка направления развития наступления немцев. Соответственно командование фронта решило отвести мехсоединения за линию построения стрелковых корпусов для нанесения контрударов. И, несмотря на все проблемы со связью, которыми нас пугали в послевоенных исследованиях, соответствующие приказы были доставлены в мехкорпуса. Начался их вывод из боя и отвод назад.

Однако Москва не поддержала решение командования фронта. И.Х. Баграмян вспоминает:

«— Товарищ полковник! Товарищ полковник! – слышу голос оперативного дежурного. – Москва на проводе!»

Бегу в переговорную. Увидя меня, бодистка отстучала в Москву: «У аппарата полковник Баграмян». Подхватываю ленту, читаю: «У аппарата генерал Маландин. Здравствуйте. Немедленно доложите командующему, что Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору. Все» (Баграмян И. Х. Так началась война. – М.: Воениздат, 1971, С. 141).

М.П. Кирпонос попытался объяснить верховному командованию свои решения, но отстоять их не смог. Дальнейшее развитие событий показало, что Ставка была права в своих

оценках – острое немецкого танкового клина повернуло на юг намного позднее, только после преодоления «линии Сталина». После получения выволочки из Москвы штаб Юго-Западного фронта начал готовить приказы на возвращение механизированных корпусов в бой.

Приказ на возвращение в бой 15-го механизированного корпуса поступил в штаб соединения к 10.00 утра 27 июня. 37-я танковая дивизия корпуса успела отступить и провела день в маршах с разворотом на 180 градусов. В бою 27 июня ее танки, естественно, не участвовали. Метания дивизий 15-го механизированного корпуса по дорогам объяснялись не тем, что связи не было, а тем, что связь с ним все же работала. Соответственно отдавались приказы на вывод мехкорпусов из боя исходя из анализа обстановки, штаб Кирпоноса пытался спрогнозировать следующий ход противника.

Ситуация в 8-м механизированном корпусе на момент получения приказа о возвращении в бой была схожей. Его 12-я танковая дивизия растянулась колонной от Бродов до Подкамня (населенный пункт в 20 км юго-восточнее Бродов). С другой стороны 7-я мотострелковая и 34-я танковая дивизии стоп-приказа получить не успели и оставались в занятых в бою днем 26 июня районах. Ранним утром 27 июня командование корпуса получило приказ командующего Юго-Западным фронтом № 2121 от 27.6.41 г. о наступлении 8-го механизированного корпуса с 9.00 27.6.41 г. в направлении Броды, м. Верба, Дубно. Уже в 7.00 27 июня Рябышев отдал приказ на наступление в новом направлении. Начало наступления было назначено на 9.00 27.6.41 г. Обычно об этом эпизоде повествуется мемуаристами как о возвращении 8-го мехкорпуса в бой по частям по истеричному приказу комиссара Вашугина, прибывшего в распоряжение штаба 8-го мехкорпуса в десятом часу утра 27 июня с расстрельной командой. Поскольку на связь сетовать в условиях получения всех приказов было глупо, для объяснения причин был использован другой популярный персонаж – «рука партии». О том, что все приказы на ввод корпуса в бой по частям к прибытию истеричного ротвейлера марксизма-ленинизма были уже отданы, тактично помалкивали. В условиях закрытости архивов в 1960-е о подобных нестыковках никто не догадывался. Н.Н. Вашугин к тому же застрелился, и валить на покойника можно было со спокойным сердцем.

Однако, даже по воспоминаниям, никаких проблем с передачей приказов механизированным корпусам не прослеживается. Если бы приказ на отвод до мехкорпусов просто не дошел, никакого хаоса, вызванного отводом, просто бы не возникло. Связь между командованием фронта и мехкорпусами работала настолько устойчиво, что мехкорпуса энергично колебались вместе с генеральной линией ведения оборонительной операции штабом М.П. Кирпоноса с точностью до нескольких часов.

В официальных документах, написанных профессионалами, оценки состояния связи даются куда более осторожные и взвешенные. В кратком отчете начальника управления связи Юго-Западного фронта от 27 июля 1941 г. было сказано:

«2. Работа связи в период операции.

а) Проводные средства связи подвергались систематическому разрушению, особенно узлы и линии в полосе 5-й и 6-й армий. К штабам 5-й и 6-й армий – Львов, Луцк ни по одной магистрали не удалось подойти с проводами.

С южной группой (12-я и 26-я армии) связь работала устойчиво.

б) Узлы связи Народного комиссариата связи после первых бомбардировок неспособны были к быстрому восстановлению связи; отсутствие линейных колонн и линейных частей приводило к продолжительному разрыву связи на отдельных направлениях.

в) С от мобилизацией первых четырех полурот, 28.6.41 г. удалось обеспечить армейские направления по одной неполной роте, чем и обеспечилось восстановление разрушенных линий и установление проводной связи.

г) Радиосвязь во фронтовых радиосетях являлась основным средством связи на направлениях 5-й и 6-й армий в период при отсутствии проводной связи.

д) *В армейских, корпусных радиосетях радиосвязь в первый период, при парализации проволочной связи, являлась единственным средством связи и обеспечила управление войсками»* (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. – М.: Воениздат, 1958. С. 106–107).

Как мы видим, вопреки распространенному мнению, радиосвязь использовалась для управления 5-й и 6-й армиями, действовавшими на направлении главного удара немецких войск. Именно на стыке между этими армиями прорывалась на восток 1-я танковая группа Э. фон Клейста. Более того, радиосвязь была основным средством управления 5-й и 6-й армиями. Штабы армий также широко использовали радиосвязь. В оперативных сводках 5-й армии в июне 1941 г. рефреном звучит: «Связь – делегатами и по радио». В середине июля 1941 г., когда фронт 5-й армии стабилизировался, диапазон используемых средств связи был расширен. В одной из оперсводок 5-й армии указывается: «Связь: со штабом фронта – Бодо; с 15-м стрелковым корпусом – по радио, делегатами и аппарату СТ-35; с 31-м стрелковым, 9-м и 22-м механизированными корпусами – по радио и делегатами; с 19-м механизированным корпусом и армейским резервом – делегатами».

Также нужно обратить внимание (пункт «в» документа) на то, что части связи затронула общая для всей Красной Армии проблема – неотмобилизованность. Мобилизация была объявлена только в первый день войны и, как мы видим из документа, 28 июня появилась возможность поддерживать работоспособность линий связи в режиме военного времени.

Помимо всего прочего мы порой подходим к 1941 г. с позиций сегодняшнего дня. Когда на киноэкране спутники передают информацию в режиме реального времени, трудно себе представить, как воевали во времена голубиной почты и пеших посыльных. Радиосвязь 1940-х гг. не следует идеализировать. Радиофикация войск имела лишь тактическое значение. По вполне объективным причинам основу системы управления составляла проводная связь. В вышеупомянутом отчете начальника управления связи Юго-Западного фронта сказано:

«1. Проводные средства связи при всех условиях разрушения могут быть восстанавливаемы и являются для фронтовых связей могучим средством обеспечения управления.

2. Радиосредства связи при отсутствии проводной связи могут обеспечить управление в ограниченном размере (недостаточная пропускная способность)» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 36. – М.: Воениздат, 1958. С. 108).

Другими словами, с помощью аппаратов проводной связи можно было «протолокнуть» больший объем информации. Этому факту мы находим многочисленные подтверждения в документах войны. В оперативной сводке от 24 июня 1941 г. начальник штаба Западного фронта Климовских сетовал: «Радиосвязь не обеспечивает передачу всех документов, так как шифровки проверяются по нескольку раз». Поэтому для эффективного управления нужна была работоспособная проводная связь.

Во многом похожие тезисы мы находим в докладе управления связи Северо-Западного фронта от 26 июля 1941 г.

Работа радиосвязи в нем характеризуется следующими словами:

«Радиосвязь с первого дня войны работает почти без перебоев, но штабы неохотно и неумело в начале войны пользовались этим средством связи.

Перерыв проводной связи квалифицировался всеми как потеря связи.

Радиограммы посылались в 1000 и более групп. С рубежа Зап. Двина происходило постепенное улучшение использования радиосвязи и признания ее как основного вида связи со стороны штабов» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 34. – М.: Воениздат, 1957. С. 189).

Почему неохотно пользовались, понятно из вышесказанного – по радио было трудно передавать большие объемы информации.

Надо сказать, что советские довоенные уставы довольно осторожно оценивают возможности и сферу применения радиосвязи. Полевой устав 1929 г. определил режим работы радиосредств:

«Радиосвязью разрешается пользоваться только при полной невозможности использовать другие средства и исключительно в процессе боя или при полном окружении противником. Оперативные приказы и донесения о принятых решениях войсковым соединениям от дивизии и выше передавать по радио, кроме случая полного окружения, решительно воспрещается» (История военной связи. Т. 2. – М.: Воениздат, 1984. С. 271).

Как мы видим, на использование радиосвязи накладываются довольно жесткие ограничения. Причем ограничения эти носят не рекомендательный, а запретительный характер («решительно воспрещается»). Конечно, положения устава 1929 г. можно списать на мракобесие и устаревшие взгляды на место радиосвязи в боевых условиях. Однако советские военные специалисты следили за прогрессом, и под их позиции в отношении радиосвязи была подведена соответствующая теоретическая база.

Для чистоты эксперимента приведу высказывание, относящееся к периоду до 1937 г. Принято считать, во многом безосновательно, что после чисток 1937–1938 гг. в Красной Армии наступили темные века. Соответственно мнение после 1937 г. может считаться проявлением мракобесия. Однако даже до чисток большого энтузиазма относительно перевода войск на управление по радио не наблюдалось. Начальник управления связи РККА Р. Лонгва, рассматривая перспективы развития и применения радио и проводных средств для управления войсками, в 1935 г. писал:

«Последние годы являются годами бурного развития военной радиотехники. Количественный и качественный рост авиации, механизация и моторизация вооруженных сил, управление на поле боя и в операции боевыми средствами со значительными, притом различными скоростями подстегивают и предъявляют все новые и более сложные требования к техническим средствам управления, к технике связи.

Поверхностное наблюдение могло бы привести к ошибочному взгляду, что радио вытесняет проводные средства связи и что в армейских условиях оно полностью и целиком заменит проволоку.

Конечно, решить вопрос управления авиацией, мехчастями и обеспечить взаимодействие родов войск на данном этапе развития техники можно только с помощью радиосредств. Однако в стрелковых соединениях в огромной сети тылов и военных дорог, в системе оповещения ПВО непрерывную устойчивую связь со всеми точками одновременно могут обеспечить только проводные средства. Проводные средства, кроме того, не демаскируют расположение органов управления и значительно проще обеспечивают секретность передачи» (История военной связи. Т. 2. М.: Воениздат, 1984. С. 271).

Перед нами, заметим, не мнение теоретика, кабинетного ученого, но практика – начальника управления связи. Этот человек на своем собственном опыте знал, что такое организация управления с помощью различных средств связи. Более того, практический опыт войск связи к 1935 г. уже был достаточно обширным. С момента принятия устава 1929 г. Красная Армия уже успела получить первые образцы отечественных радиостанций нового поколения и использовала их на учениях и маневрах.

Красной нитью через различные довоенные документы по использованию радиосвязи проходит мысль: «пользоваться можно и нужно, но осторожно». В проекте Полевого устава 1939 г. (ПУ-39) роль и место радиосвязи в системе управления определялись следующим образом:

«Радиосвязь – ценное средство связи, обеспечивающее управление в самых сложных условиях боя.

Однако ввиду возможности перехвата радиопередач противником и установления путем пеленгации местонахождения штабов и группировки войск она получает применение в основном только с началом боя и в процессе его развития.

Разрешает или запрещает (полностью или частично) применять радиосредства соответствующий начальник штаба.

В период сосредоточения войск, перегруппировки, подготовки прорыва и в обороне до начала атаки противника применение радиосредств запрещается.

Если радиосвязь не может быть заменена другими средствами связи, например, для связи с авиацией в воздухе, с разведкой, для ПВО и т. д., в соединениях и частях выделяются для этой цели специальные приемно-передающие радиостанции.

Радиопередача всегда производится при помощи кодов, кодированной сигнализации и шифром. Открытые радиопередачи не допускаются, за исключением передачи боевых команд в артиллерии, танковых частях и авиации в воздухе.

Переговоры во время боя по радио должны производиться по заранее составленным штабом переговорным радиосигнальным таблицам, кодированной карте, кодовому командирскому планшету и переговорным таблицам.

Передача по радио оперативных приказов и донесений о принятых решениях от дивизии (бригады) и выше допускается лишь при полной невозможности использовать другие средства связи и только шифром».

Перед нами все тот же набор запретительных мер: «применение радиосредств запрещается», «при полной невозможности использовать другие средства связи и только шифром». Но любопытно даже не это. В уставе прямым текстом прописаны все те вещи, которые расценивались как иррациональные фобии и странные чудачества красных командиров. Например, в описании комиссаром 8-го мехкорпуса Н.К. Попелем Дубненских боев есть такой эпизод:

«Но тогда, ночью, подъезжая к КП, я ничего не знал о действиях дивизии. Связи не было.

– Наш начальник штаба подполковник Курепин оказался на редкость осторожным товарищем, – усмехаясь, объяснял Васильев, – запретил пользоваться штабной радиостанцией. Как бы противник не запеленговал. Теперь обдумываем, нельзя ли беззвучно стрелять из гаубиц и наступать на танках с выключенными моторами, чтобы фашисты не догадались о наших намерениях.

Курепин стоял рядом. В темноте я не видел его лица.

– Иван Васильевич, зачем же так. Ну, оплошал...» (Попель Н.К. В тяжкую пору. – М.; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 118).

Надо сказать, что мемуары НД. Попеля вообще содержат немало неточностей, поэтому нельзя точно сказать, имел место этот разговор в действительности или же является продуктом аберрации памяти. Показательно другое, аргументация Курепина в том виде, в которой она пересказана Попелем, довольно точно перекликается с проектом Полевого устава 1939 г. (ПУ-39). Во-первых, принял решение об использовании радиостанции именно начальник штаба, во-вторых, он указал на возможность ее пеленгования противником. Однако почему-то сам ПУ-39 осуждению и осмеянию не подвергался.

После упоминания в популярных мемуарах идея радио-боязни как иррациональной фобии пошла в массы. Пикуль почти слово в слово воспроизвел описанный Попелем эпизод и добавил ярких деталей и обобщений.

«Войска слишком надеялись на линии Наркомата связи – на проволоку между столбами. Совсем не учли, что война будет маневренной, а линии связи протянуты, как правило, вдоль железных дорог или важных магистралей. Чуть войска отойдут от дорог подальше – ни столбов, ни проволоки. К тому же связь была не подземно-кабельная, а воздушно-про-

водная, и противник смело к ней подключался, прослушивая наши переговоры, а иногда немцы давали по нашим войскам ложные приказы – отступить! Слепое доверие к телефонам порой кончалось трагедиями, гибелью множества людей. При этом существовала «радиобоязнь»: к походным радиостанциям относились как к лишней обузе, за которую надо отвечать, при первом же удобном случае их отсылали в обоз. Это происходило от недоверия к сложной аппаратуре, от боязни штабов быть запеленгованными противником» (Пикуль В.С. Площадь павших борцов. – М.: Голос, 1996. С. 179).

О том, что слова про пеленгование были прямым текстом прописаны в ПУ-39, как-то мило забыли. Читатель мягко подталкивался к выводу: «Делать немцам больше нечего – разыскивать советские радиостанции». Насмехаясь над «радиобоязнью» и возможностью пеленгования работающих радиостанций, почему-то забывают, что радиоразведка у немцев была и порой добивалась впечатляющих результатов. Разумеется, речь шла не только и не столько о примитивном наведении на советские штабы авиации. Один из самых известных примеров – это Миус-фронт в июле 1943 г. Оборонявшая Донбасс немецкая 6-я армия Карла Холлидта была вынуждена ждать наступления советских войск и использовала все средства разведки для угадывания вероятного направления удара. Угадывание направления удара часто превращалось в «русскую рулетку», но именно радиоразведка позволила немцам отсрочить коллапс немецкой обороны в южном секторе советско-германского фронта. До 9 июля 1943 г. никаких перемещений войск или концентрации артиллерии немецкой разведкой не отмечалось. Но 10 июля стало поворотным пунктом, заставившим штаб Холлидта лихорадочно готовиться к отражению наступления противника в полосе ответственности 6-й армии. Во второй половине дня 10 июля были отмечены перемещения пехоты и танков в полосе XXIX и XVII армейских корпусов. Двумя днями спустя движение было замечено на стыке IV и XVII армейских корпусов – на направлении советского вспомогательного удара. Остроты в блюдо оперативной обстановки добавил тот факт, что из-за погодных условий с 11 по 14 июля эффективная работа воздушной разведки была невозможной, и вся надежда была на наземную разведку и радиоперехваты. Занималась этим в 6-й армии 623-я отдельная рота радиоразведки. Особое внимание у немецких разведчиков вызывало перемещение резервов. Положение 2-й гвардейской армии как стратегического резерва советского командования в глубине построения войск на южном секторе фронта было известно немцам, и его перемещения отслеживались. По оценке штаба Холлидта, 2-я гв. армия могла быть введена в бой в течение трех-пяти дней. Анализ радиообмена 14 июля позволил немцам сделать вывод, что штаб 2-й гв. армии переместился и располагается теперь за позициями 5-й ударной армии. Когда 15 июля улучшилась погода и заработала воздушная разведка, концентрация советских войск была подтверждена с воздуха. 15 июля Холлидт посетил штабы 294-й пехотной дивизии и XVII армейского корпуса и сообщил, что все данные разведки указывают на скорое начало наступления именно на их участке фронта. Через два дня, жарким утром 17 июля 1943 г., громовые раскаты артиллерийской подготовки подтвердили его слова.

Естественно, немцами были приняты необходимые контрмеры и подтянуты резервы к вероятному направлению удара советских войск. Более того, были приняты решения на уровне командования всей группы армий «Юг». С южного фаса Курской дуги был снят II танковый корпус СС Пауля Хауссера. Корпус был выведен из боя и погружен в эшелоны, отправляющиеся в Донбасс. Своевременное прибытие эсэсовских соединений сыграло ключевую роль в отражении советского наступления на Миусе, которое завершилось в начале августа 1943 г. вытеснением войск Южного фронта на исходные позиции.

Миус-фронт в данном случае является негативным примером, но не следует думать, что в этот же период не было прямо противоположных случаев. Таковым, как ни странно, является контрудар 5-й гв. танковой армии под Прохоровкой. За счет строжайшего радио-

молчания (радиостанции даже опечатывались) немцы до самого последнего момента не знали о том, что Воронежским фронтом будет нанесен контрудар крупными массами танков. Сосредоточение танков было частично вскрыто радиоразведкой, но конкретного перечня прибывших соединений у немцев вечером 11 июля 1943 г. не было. Поэтому оборонительные действия «Лейбштандарта» 12 июля были в значительной степени импровизацией, чему благоприятствовали плотные боевые порядки и условия местности. В любом случае немецкая радиоразведка не вскрыла появление армии П.А. Ротмистрова, и ее появление стало в значительной мере неожиданным. Другой вопрос, что это первоначальное преимущество не было должным образом использовано.

Вышеупомянутый 8-й механизированный корпус находился в том же положении, что и 5-я гв. танковая армия под Прохоровкой. Он также выдвигался для нанесения контрудара. Поэтому режим радиомолчания был одним из главных требований. Немецкая радиоразведка летом 1941 г. работала, и интенсивное пользование радиосвязью привело бы к прояснению обстановки для противника. Немецкой разведке было бы легче выяснить, кто им противостоит в данный момент и подход каких соединений или объединений из глубины ожидается в ближайшей перспективе. Радиосвязь, как и любое другое средство, имела свои достоинства и недостатки.

Отправка в войска офицеров с приказами не являлась чрезвычайной мерой, вызванной обстоятельствами. Рекомендации по организации управления с помощью делегатов шли в ПУ-39 вслед за обставленным запретительными мерами разделом по радиосвязи. Красным командирам рекомендовалось следующее:

«Для обеспечения надежного управления, помимо технических средств, необходимо широко использовать все другие виды связи, в первую очередь подвижные средства (самолет, автомобиль, мотоцикл, танк, конь).

Штабы войсковых соединений и частей должны заботиться о наличии и готовности к действию достаточного количества подвижных средств для передачи приказов».

Делегаты связи не были спутником только неудачных операций. Они достаточно широко использовались для передачи приказов в несомненно успешных для Красной Армии сражениях и операциях. В качестве примера можно привести эпизод, относящийся к периоду советского контрнаступления под Сталинградом. К югу от города по степи наступали механизированные корпуса ударной группировки Сталинградского фронта. Ночью 22 ноября 4-й мехкорпус получил приказ заместителя командующего Сталинградским фронтом М.М. Попова к исходу дня захватить Советский и выдвинуть передовой отряд на Карповку. Корпус к тому моменту двигался вперед в прямом смысле этого слова вслепую. Никаких данных о противнике на направлении наступления ни от штаба 51-й армии, ни от штаба Сталинградского фронта не поступало. Заявки на воздушную разведку выполнены не были – из-за плохой погоды авиация фактически бездействовала. Корпус мог лишь светить себе «ближним светом» – посылая по всем направлениям разведотряды на мотоциклах и бронев автомобилях БА-64. Была также установлена связь с соседом справа – 13-м мехкорпусом. Обстановку это прояснило в незначительной степени: были получены расплывчатые сведения об участке фронта справа от полосы наступления. Слева соседей просто не было, одна казавшаяся бескрайней степь. В такой обстановке контрудар мог последовать с любого направления. Густой «туман войны» висел над полем сражения. Оставалось принять все меры предосторожности и уповать на свою счастливую звезду. Вольский выдвинул на фланги сильное боковое охранение и вывел в резерв 60-ю механизированную бригаду.

Вскоре и без того непростая обстановка усугубилась молниями «из стратосферы». При подходе штаба корпуса к Верхне-Царицынскому самолетом был доставлен приказ командующего Сталинградским фронтом А.И. Еременко с задачей захватить Старый и Новый Рогачик, Карповскую, Карповку. Это существенно меняло первоначальную задачу корпуса.

Теперь он должен был отвернуть от точки randevу с Юго-Западным фронтом у Калача и наступать в тыл войскам 6-й армии под Сталинградом. Точнее, корпус разворачивался для сокрушения быстро строящейся обороны 6-й армии фронтом на запад.

Буквально через полчаса после прибытия самолета от А.И. Еременко в штаб корпуса приехал на машине заместитель командующего 51-й армией полковник Юдин. Командиру 4-го мехкорпуса был вручен приказ командарма 51-й (в чьем оперативном подчинении находился корпус), подтверждающий ранее поставленную задачу. Мехкорпус должен был захватить Советский и выйти на рубеж Карповка, Мариновка, т. е. примерно на рубеж железной дороги из Сталинграда на Калач. Оказавшись с двумя приказами на руках, Вольский принял компромиссное решение и повернул на Карповку 59-ю механизированную бригаду Удар на Карповку был безрезультатным – высланные Паулюсом подвижные части заняли старые советские укрепления. Остальные части 4-го мехкорпуса двигались на Советский, выполняя прежнюю задачу.

В итоге Советский был захвачен к 12.20 22 ноября 36-й механизированной бригадой совместно с 20-м танковым полком 59-й механизированной бригады. В городе располагались авторемонтные мастерские, и трофеями корпуса Вольского стали более 1000 автомашин. Также были захвачены склады с продовольствием, боеприпасами и горючим. С захватом Советского было прервано сообщение 6-й армии с тылом по железной дороге.

Интересно отметить, что приказы 4-й механизированный корпус получал делегатами связи. Более того, приказы разных инстанций противоречили друг другу. Согласно отечественной исторической традиции принято гневно осуждать использование делегатов летом 1941 г. и даже представлять их как одну из причин случившейся катастрофы. Однако это очевидная постанова телеги впереди лошади. Делегаты связи благополучно использовались в успешных операциях Красной Армии. Корпуса без особых проблем направлялись командованием в нужную точку без использования идеологически выдержанной радиосвязи.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Нельзя отрицать существенных недостатков в работе связи в Красной армии 1941 г. Но объявлять связь одной из главных причин поражения неразумно. Развал системы связи часто был следствием, а не причиной возникающих кризисов. Штабы теряли связь с войсками, когда они терпели поражение в обороне и были вынуждены отходить. Поражения имели вполне определенное объяснение на оперативном уровне, и отсутствие каких-либо проблем со связью вряд ли бы существенно изменило обстановку.

Григорий Пернавский. Почему погибли сталинградские пленные?

Время от времени в Интернете и в периодической печати, в статьях, приуроченных к очередной годовщине разгрома немцев под Сталинградом, встречаются упоминания о печальной судьбе германских военнопленных. Часто их судьбу сравнивают с судьбой миллионов красноармейцев, замученных в немецких лагерях. Таким образом нечистоплотные пропагандисты пытаются продемонстрировать тождественность советского и нацистского режимов. Об отношении немцев к советским военнопленным написано достаточно много. Что же касается советской стороны, то СССР, не подписавший в свое время Женевскую конвенцию 1929 г. «О содержании военнопленных» (причины ее неподписания известны, но не являются предметом рассмотрения данной статьи), объявил о том, что будет соблюдать ее, в первые же дни после начала Великой Отечественной войны.

На начальном этапе войны трудностей с содержанием военнопленных не возникало по той простой причине, что их было слишком мало. С 22 июня по 31 декабря 1941 г. Красной Армией было взято в плен 9147 человек, а к 19 ноября 1942 г., когда началось контрнаступление под Сталинградом, в тыловые лагеря для военнопленных поступило еще 10 635 вражеских солдат и офицеров. Столь ничтожное число военнопленных позволяло без труда снабжать их по нормам, приводимым в нижеследующей таблице.

Пленные были необходимы советскому командованию не только как рабочая сила, не только как источник информации, но и в качестве объекта и субъекта пропаганды.

НОРМЫ СУТОЧНОГО ДОВОЛЬСТВИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОВЕТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР В 1939–1946 гг. (в граммах)

Продукты	Нормы питания военнопленных			Нормы питания заключенных		
	1939 г.	1941 г.	1946 г.	1939 г.	1941 г.	1946 г.
Хлеб ржаной	800	400— 500	400— 700	700	700	550— 800
Мука пшеничная	20	20	10	10	10	10
Крупа разная	110	100	100	125	80	78
Мясо	50	—	30	50	25	18
Рыба	75	100	100	100	100	60
Сало или комбижир	—	—	15			
Масло расти- тельное	30	20	15	15	15	12
Томат- пюре	10	10	10	10	10	10
Сахар	20	20	17	25	10	9
Чай суррогатный	3	0,6	2	0,6	2	2
Соль	30	30	30	20	15	20
Лавровый лист	0,2		0,2	0,5	0,1	0,1
Перец	1,3		0,3	0,5	0,1	0,1
Уксус	0,2		2			
Картофель и овощи	500	500	650— 1000	500	600	650
Мыло хозяйственное на месяц	200	300	300	н.св.	н.св.	200

Уже в одной из первых своих директив 24 июня 1941 г. начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии армейский комиссар 1-го ранга Мехлис требовал:

«...систематически фотографировать пленных, в особенности парашютистов в их одежде, а также захваченные и подбитые нашими войсками немецкие танки, самолеты и другие боевые трофеи. Снимки срочно и регулярно высылать в Москву. Шлите также наиболее интересные опросы пленных и документы. Все это будет использоваться в целях пропаганды».

В листовках, которые были обращены к немецким и финским солдатам, им гарантировалась жизнь и хорошее обращение. Впрочем, сколь-нибудь заметного влияния на врага советская пропаганда не оказала. Одной из причин такого провала стали неоднократные случаи убийства пленных немцев красноармейцами. Таких случаев было сравнительно немного, однако умалчивать о них или пытаться найти им оправдание было бы большой ошибкой, тем более что факты негуманного отношения советских солдат к германским пленным немедленно широко «пиарились» нацистской пропагандой. Впоследствии именно боязнь смерти от рук «безжалостного врага» стала причиной гибели многих солдат Вермахта, которые предпочитали смерть от голода и тифа советскому плену.

Несмотря на то что с декабря 1941-го по конец апреля 1942 г. Красная Армия находилась почти в непрерывном наступлении, ей не удалось захватить большое число военнопленных. Это объясняется тем, что части Вермахта либо своевременно отступали, либо быстро деблокировали свои окруженные подразделения, не позволяя советским войскам уничтожать «котлы». В результате первым крупным окружением, которое Красной Армии удалось довести до конца, стало окружение германской 6-й армии под Сталинградом. 19 ноября 1942 г. началось советское контрнаступление. Через несколько дней кольцо окруже-

ния было закрыто. Красная Армия приступила к постепенной ликвидации «котла», одновременно отбивая попытки прорвать его снаружи.

К Рождеству 1942 г. попытки германского командования пробить советскую оборону и установить связь с окруженными закончились крахом. Шанс вырваться из «котла» также был упущен. Оставалась еще иллюзия, что обитателей «котла» можно будет снабжать по воздуху, однако Сталинградский «котел» отличался от Демянского и Холмского размерами, удаленностью от линии фронта, а главное – численностью окруженной группировки. Но самым важным отличием было то, что советское командование училось на своих ошибках и предприняло меры для борьбы с «воздушным мостом». Еще до конца ноября ВВС и зенитная артиллерия уничтожили несколько десятков транспортных самолетов. К концу Сталинградской эпопеи немцы потеряли 488 «транспортных» и бомбардировщиков, а также около 1000 человек летного состава. При этом даже в самые спокойные дни обороняющиеся так и не получали причитающиеся им 600 тонн снабжения в сутки.

Стоит отметить, что проблемы со снабжением у группировки Паулюса начались еще задолго до начала советской операции «Уран». В сентябре 1942 г. фактический рацион продовольствия, который получали солдаты 6-й армии, составлял около 1800 калорий в сутки при потребности с учетом нагрузок – 3000–4000. В октябре 1942 г. командование 6-й армии сообщило ОКХ о том, что с августа «условия жизни во всем радиусе действия 6-й армии одинаково плохие». Организация дополнительного снабжения продовольствием за счет реквизиции местных источников была далее невозможна (проще говоря, все, что солдаты доблестного Вермахта награбили у мирного населения, было съедено). По этой причине командование 6-й армии просило увеличить суточный рацион хлеба с 600 до 750 граммов. На трудности со снабжением накладывалось и постоянно нарастающее физическое и психическое истощение солдат и офицеров. К моменту начала советского контрнаступления эти трудности казались ужасающими, однако настоящий ужас начался после 19 ноября. Непрерывные бои с наступающей Красной Армией, медленное отступление к Сталинграду, страх смерти, которая все более казалась неотвратимой, постоянное переохлаждение и недоедание, постепенно превратившееся в голод, быстро подтачивали мораль и дисциплину.

Недоедание было самой большой проблемой. С 26 ноября норма продовольствия в «котле» была сокращена до 350 г хлеба и 120 г мяса. 1 декабря норму выдачи хлеба пришлось уменьшить до 300 г. 8 декабря норма выдачи хлеба была уменьшена до 200 г. Стоит напомнить, что минимальная норма хлеба, выдававшаяся в блокадном Ленинграде рабочим в ноябре – декабре 1941 г., составляла 250 г. Впрочем, какое-то время немцы получали к своей тощей пайке приварок из конины.

Голодный человек быстро теряет способность думать, впадает в апатию и становится безразличным ко всему. Обороноспособность германских войск быстро падала. 12 и 14 декабря командование 79-й пехотной дивизии сообщило в штаб 6-й армии, что вследствие продолжительных боев и недостаточного снабжения продовольствием дивизия не в силах больше удерживать свои позиции.

К Рождеству, на несколько дней, солдатам передовой линии давали дополнительные 100 г. Известно, что в то же время некоторые солдаты в «котле» получали не больше 100 г хлеба. (Для сравнения: столько же – минимум в осажденном Ленинграде получали дети и иждивенцы Ораниенбаума.) Даже если это и не так, подобная «диета» в течение достаточно длительного времени для тысяч взрослых мужчин, испытывавших экстремальные физические и психические нагрузки, означала только одно – смерть. И она не заставила себя ждать. С 26 ноября по 22 декабря в 6-й армии было зарегистрировано 56 смертельных случаев, «при которых существенную роль сыграл недостаток питания».

К 24 декабря таких случаев было уже 64. 20 декабря из IV армейского корпуса поступило донесение о том, что «из-за потери сил умерли два солдата». Стоит заметить, что голод

убивает взрослых мужчин еще до того, как у них наступает полная дистрофия. Они вообще переносят голод хуже, чем женщины. Первыми жертвами недоедания в блокадном Ленинграде, например, были именно работоспособные и работавшие мужчины, которые получали больший паек, чем служащие или иждивенцы. 7 января регистрируемая смертность от голода составляла уже 120 человек в день.

Паулюс и его подчиненные прекрасно осознавали, в какое катастрофическое положение попали их войска. 26 декабря начальник тыла окруженной группировки майор фон Куновски в телеграфном разговоре с полковником Финком, начальником тыла 6-й армии, находившимся за пределами кольца, написал:

«Я прошу всеми средствами позаботиться о том, чтобы завтра нам были доставлены самолетами 200 тонн... я в жизни никогда не сидел так глубоко в дерьме.»

Однако никакие мольбы не могли исправить непрерывно ухудшающуюся ситуацию. В период с 1 по 7 января в LI корпусе в сутки на человека выдавался рацион в 281 г брутто при норме в 800. Но в этом корпусе обстановка была сравнительно неплохой. В среднем по 6-й армии выдача хлеба сократилась до 50—100 г. Солдаты на передовой линии получали по 200. Поразительно, но при такой катастрофической нехватке пищи некоторые склады внутри «котла» буквально ломились от продовольствия и в таком виде попали в руки Красной Армии. Этот трагический курьез связан с тем, что к концу декабря из-за острой нехватки топлива полностью остановился грузовой транспорт, а ездовые лошади передохли или были забиты на мясо. Система снабжения внутри «котла» оказалась полностью дезорганизованной, и часто солдаты погибали от голода, не зная, что спасительная еда находится от них буквально в нескольких километрах. Впрочем, в 6-й армии оставалось все меньше людей, способных пешком преодолеть и такое небольшое расстояние. В 20-х числах января командир одной из рот, которой предстояло совершить полуторакилометровый марш, притом что обстрел с советской стороны отсутствовал, сказал своим солдатам: «Кто будет отставать, того придется оставить лежать в снегу, и он замерзнет». 23 января той же роте для четырехкилометрового марша понадобилось время с 6 утра до наступления темноты.

С 24 января система снабжения в «котле» полностью развалилась. По свидетельствам очевидцев, в некоторых районах окружения питание улучшилось, поскольку никакого учета распределения продовольствия уже не было. Контейнеры, сбрасываемые с самолетов, разворовывались, а организовать доставку остальных просто не было сил. Командование предпринимало против мародеров самые драконовские меры. В последние недели существования «котла» полевой жандармерией были расстреляны десятки солдат и унтер-офицеров, но большинству обезумевших от голода окруженцев было уже все равно. В те же дни в других районах «котла» солдаты получали 38 г хлеба, а банка шоколада «Кола» (несколько круглых плиток тонизирующего шоколада величиной с ладонь) делилась на 23 человека.

С 28 января питание организовано выдавалось только солдатам на передовой. В последние дни существования котла большинство больных и раненых, которых уже в декабре было около 20 000, в соответствии с приказом Паулюса вообще не получали никакой пищи. Даже с учетом того, что значительное количество раненых успели вывезти на самолетах, штаб 6-й армии, который не контролировал ситуацию, считал, что на 26 января их было 30—40 тысяч. Ходячие раненые и больные толпами бродили в поисках съестного по всей территории сжимающегося котла, заражая еще не больных солдат.

По неподтвержденным данным, в 20-х числах января были замечены случаи каннибализма.

Другим бичом окруженной под Сталинградом армии был холод. Нельзя сказать, что поздняя осень и зима 1942—1943 гг. в приволжских степях были какими-то особенно экстремальными. Так, 5 декабря температура воздуха была 0 градусов. В ночь с 10 на 11 декабря она опустилась до минус 9, а 15 декабря снова поднялась до нуля. В январе сильно похолодало.

В течение месяца температура ночью колебалась от минус 14 до 23 градусов мороза. 25–26 января, когда началась агония армии Паулюса, столбики термометров опустились до минус 22. Средняя дневная температура в январе колебалась от нуля до пяти градусов мороза. При этом сталинградскую степь постоянно продувал резкий и сырой холодный ветер. Еще одной особенностью приволжских степей, как и любых других, является почти полное отсутствие в них деревьев. Единственным местом, откуда теоретически можно было бы доставить топливо (дрова или уголь), был Сталинград. Однако доставлять его было не на чем. В результате к голоду присоединился еще один «тихий убийца». В обычных условиях, когда человек может согреться и отдохнуть, когда он нормально питается, длительное пребывание на холоде не представляет для него никакой опасности. Ситуация в Сталинграде была иной. Конечно, германское командование учло уроки зимы 1941/42 гг. Для Вермахта были разработаны теплые ватные комплекты, меховые шапки-ушанки и масса приспособлений для обогрева блиндажей. Часть этого богатства попало в 6-ю армию, однако всем солдатам теплой одежды не хватило. Впрочем, по мере вымирания обитателей «котла» достать одежду становилось все проще и проще, поскольку трупам она уже не нужна. Фактически к моменту капитуляции Паулюса потребности окруженных в теплой одежде были удовлетворены, причем многократно. Однако для того, чтобы согреться, человеку нужен огонь, а получить его оказалось слишком трудно. Холод и сырость делали свое дело. Обморожения и отморожения, обострение хронических заболеваний, проблемы иммунной системы, пневмония, заболевания почек, фурункулез, экзема – вот лишь небольшой список болезней, которые несет человеку постоянное переохлаждение. Особенно тяжело на холоде приходилось раненым солдатам. Даже не очень значительная царапина могла обернуться гангреной. Ужас состоял в том, что солдаты, получившие даже ранения средней степени тяжести, подлежали немедленной эвакуации в тыл. Исходная концепция «Медицины блицкрига» не предполагала, что Вермахт будет попадать в котлы, из которых невозможно вывезти раненых, и исключала из системы эвакуации батальонные и полковые медпункты. На передовой, в войсках, были только средства первой помощи и почти не было квалифицированных хирургов. Таким образом, раненые были обречены на смерть.

Еще в конце сентября рядом с солдатами 6-й армии, а точнее, прямо на них, появились предвестники еще одной беды: вши. Биологические виды головная вошь (*Pediculus Humanus Capitis*), платяная вошь (*Pediculus Humanus Corporis*) могут паразитировать только на человеке. Возможно, несколько носителей вшей приехали в Сталинград вместе с армией, возможно, солдаты Вермахта заразились от местных жителей или в жутких условиях города, когда пользовались чужими вещами. Вши размножаются с ужасающей стремительностью. За неделю одна особь может принести 50 000 личинок. Поразительно, но немцы, уровень медицины которых значительно превосходил советский, так и не смогли победить вшей. Дело в том, что они использовали против паразитов химические порошки, в то время как в Красной Армии, имевшей печальный опыт Гражданской войны, главным средством борьбы против насекомых была обработка одежды паром, стрижка «под ноль» и баня. Конечно, вши «не миловали» никого, но немецких солдат они «жаловали» особенно. Естественно, что в сталинградских степях трудно было обустроить баню и прожарку одежды. Кроме того, апатия, в которую постепенно впадали немецкие солдаты, не способствует соблюдению элементарных правил личной гигиены. Именно поэтому уже с октября 6-я армия обовшивела. В один из дней поздней осени с двенадцати военнопленных в военно-полевом госпитале было снято 1,5 кг (!) вшей, что в среднем давало цифру в 130 г на одного человека. Таким образом, при среднем весе имаго вши – 0,1 мг с одного раненого снимали до 130 000 особей! Единичная смертность от сыпного тифа и прочих инфекционных заболеваний наблюдалась в группировке Паулюса еще до окружения. В последние недели существования «котла» больные сбредались в Сталинград, который постепенно превратился в настоящий тифозный очаг.

Еще до начала контрнаступления под Сталинградом советское командование из показаний военнопленных и донесений разведки представляло себе в общем, что происходит в армии Паулюса, но никто не мог ожидать, насколько плохо обстоят там дела. Начиная с 19 ноября приток пленных резко возрос. Оказалось, что многие из них находятся в достаточно истощенном состоянии, завшивлены и страдают от переохлаждения. Через несколько недель нарком внутренних дел Лаврентий Берия, обеспокоенный высокой смертностью среди пленных, приказал своим подчиненным разобраться в ее причинах. Отметим, что Лаврентий Павлович вряд ли руководствовался в своих действиях исключительно принципами гуманизма. Во-первых, высокая смертность военнопленных могла быть использована вражеской пропагандой. Во-вторых, каждый умерший немец или румын не мог, по причине своей смерти, быть впоследствии использован на работах, а рабочие руки, даже руки военнопленных, были в тот момент крайне необходимы. Наконец, в-третьих, конкуренты и недоброжелатели могли усомниться в организаторских способностях Генерального комиссара Госбезопасности.

30 декабря заместитель наркома внутренних дел СССР Иван Серов предоставил своему патрону докладную записку, в которой говорилось:

«В связи с успешными действиями частей Красной Армии на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах отправка военнопленных проходит с большими затруднениями, в результате чего происходит большая смертность среди военнопленных.

Как устанавливается, основными причинами смертности являются:

1. Румынские и итальянские военнопленные от 6—7 и до 10 суток до сдачи в плен не получали пищи ввиду того, что все продовольствие, поступавшее на фронт, шло в первую очередь немецким частям.

2. При взятии в плен наши части военнопленных пешком гонят по 200—300 км до железной дороги, при этом их снабжение тыловыми частями Красной Армии не организовано и зачастую по 2—3 суток в пути военнопленных вовсе не кормят.

3. Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД должны Штабом тыла Красной Армии обеспечиваться продовольствием и обмундированием на путь следования. Практически этого не делается, и в ряде случаев при погрузке эшелонов военнопленным выдают вместо хлеба муку, а посуда отсутствует.

4. Органы военных сообщений Красной Армии подают вагоны для отправки военнопленных, не оборудованные нарами и печами, а в каждый вагон грузится по 50—60 чел.

Кроме того, значительная часть военнопленных не имеет теплой одежды, а трофейного имущества службы тылов фронтов и армий для этих целей не выделяют, несмотря на указание тов. Хрулева по этим вопросам...

И, наконец, вопреки Положению о военнопленных, утвержденному СНК СССР, и распоряжению Главвоенсанупра Красной Армии раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и направляются в приемные пункты».

Эта докладная записка породила довольно жесткую реакцию на самом верху командования Красной Армией. Уже 2 января 1943 г. был издан приказ наркома обороны № 001. Он был подписан заместителем наркома, начальником интендантской службы РККА генерал-полковником интендантской службы А.В. Хрулевым, но нет сомнений в том, что эта бумага не ускользнула от внимания самого Верховного Главнокомандующего:

«№ 0012 января 1943 г.

Практика организации направления и обеспечения военнопленных на фронте и в пути в тыловые лагеря устанавливает ряд серьезных недочетов:

1. Военнопленные подолгу задерживаются в частях Красной Армии. С момента пленения до поступления в пункты погрузки военнопленные проходят пешком по 200—300 километров и почти не получают никакой пищи, вследствие чего прибывают резко истощенными и больными.

2. Значительная часть военнопленных, не имея собственной теплой одежды, несмотря на мой указание, не обеспечивается из трофейного имущества.

3. Военнопленные, идущие с места пленения к пунктам погрузки, часто охраняются мелкими группами бойцов или вовсе не охраняются, вследствие чего расходятся по населенным пунктам.

4. Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД, которые в соответствии с указаниями Штаба тыла Красной Армии и Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии должны обеспечиваться фронтами продовольствием, вещдодольствием и транспортом, получают их в крайне ограниченных количествах, совершенно не удовлетворяющих минимальные нужды. Это не позволяет обеспечить военнопленных по установленным нормам довольствия.

5. ВОСО фронтов несвоевременно и в недостаточном количестве выделяют подвижной состав для отправки военнопленных в тыловые лагеря; кроме того, предоставляют вагоны, совершенно не оборудованные для людских перевозок: без нар, печей, унитазов, дров и хозяйственного инвентаря.

6. Вопреки положению о военнопленных, утвержденному СНК СССР, и распоряжению Главвоенсанупра, раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и направляются в приемные пункты и лагеря НКВД с общими этапами.

По этим причинам значительная часть военнопленных истощается и умирает еще до отправки в тыл, а также в пути следования.

В целях решительного устранения недочетов в обеспечении военнопленных и сохранения их как рабочей силы приказываю:

Командующим фронтам:

1. Обеспечивать немедленную отправку военнопленных войсковыми частями в пункты сосредоточения. Для ускорения отправки использовать все виды транспорта, идущие порожняком с фронта.

2. Обязать командиров частей питать военнопленных в пути до передачи их в приемные пункты НКВД по нормам, утвержденным Постановлением СНК СССР № 18747874с. Колоннам военнопленных придавать походные кухни из трофейного имущества и необходимый транспорт для перевозки продуктов.

3. В соответствии с положением о военнопленных, утвержденным Постановлением СНК СССР № 17987800с от 1 июля 1941 г., своевременно оказывать все виды медицинской помощи раненым и больным военнопленным.

Категорически запретить направление в общем порядке раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных и передачу их в приемные пункты НКВД. Эти группы военнопленных госпитализировать с последующей эвакуацией в тыловые спец-госпитали, довольствуя их по нормам, установленным для больных военнопленных.

4. Выделять достаточное количество войсковой охраны для сопровождения военнопленных с места пленения до приемных пунктов НКВД.

5. Во избежание длительных пеших переходов максимально приблизить пункты погрузки военнопленных к местам их концентрации.

6. Командирам частей при отправлении военнопленных сдавать их конвою по акту с указанием количества конвоируемых, запаса продовольствия, выданного для военнопленных, и приданного колонне-эшелону имущества и транспорта. Акт о приеме военнопленных предъявить при сдаче их в приемные пункты.

Начальникам конвоев передавать по акту все документы, изымаемые у военнопленных, для доставки их в приемные пункты НКВД.

7. Суточный пеший переход военнопленных ограничить 25–30 километров. Через каждые 25–30 километров пешего перехода устраивать привалы-ночевки, организовывать выдачу военнопленным горячей пищи, кипятка и предоставлять возможность обогрева.

8. Оставлять у военнопленных одежду, обувь, белье, постельные принадлежности и посуду. В случае отсутствия у военнопленных теплой одежды, обуви и индивидуальной посуды обязательно выдавать недостающее из трофейного имущества, а также из вещей убитых и умерших солдат и офицеров противника.

9. Командующим фронтов и военных округов:

а) в соответствии с распоряжениями штаба Главного управления тыла Красной Армии за № 24/ 103892 от 30. 11. 42 г. и Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии за № 3911/ш от 10.12.42 г. немедленно проверить обеспеченность приемных пунктов НКВД и лагерей-распределителей продуктами питания, создать необходимые запасы на пунктах и в лагерях-распределителях для бесперебойного питания военнопленных;

б) полностью обеспечить приемные пункты и лагеря-распределители НКВД транспортом и хозяйственным имуществом. В случае массового поступления военнопленных немедленно выделять пунктам и лагерям дополнительно необходимый транспорт и инвентарь.

10. Начальнику ВОСО Красной Армии:

а) обеспечивать подачу необходимого количества вагонов для немедленной отправки военнопленных в лагерь; оборудовать вагоны нарами, печами, унитазами и бесперебойно снабжать топливом в пути следования; использовать для эвакуации военнопленных в тыл эшелоны, освобождающиеся из-под боевого состава;

б) обеспечить быстрое продвижение эшелонов в пути наравне с воинскими перевозками;

в) организовать в Управлении ВОСО Красной Армии диспетчерский контроль над продвижением эшелонов с военнопленными;

г) установить нормы погрузки военнопленных: в двухосные вагоны – 44–50 человек, четырехосные – 80–90 человек. Эшелоны военнопленных формировать не более 1500 человек в каждом;

д) обеспечить бесперебойное горячее питание военнопленным и пополнение путевого запаса продовольствия на всех военно-продовольственных и питательных пунктах по податтестатам, выдаваемым воинскими частями, приемными пунктами и лагерями НКВД;

е) организовать безотказное снабжение военнопленных питьевой водой, обеспечить каждый двухосный вагон тремя и четырехосный – пятью ведрами.

11. Начальнику Главсанупра Красной Армии:

а) обеспечить госпитализацию раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных в лечебных учреждениях Красной Армии на фронте и в прифронтовой полосе;

б) организовать их немедленную эвакуацию в тыловые спецгоспитали;

в) для медико-санитарного обслуживания военнопленных в пути выделять необходимый медицинский персонал с запасом медикаментов. Для этих целей также использовать медицинский персонал из военнопленных;

г) организовать на эвакуационных пунктах просмотр и проверку проходящих эшелонов с военнопленными и оказание медицинской помощи заболевшим. Не могущих следовать по состоянию здоровья немедленно снимать с эшелонов и госпитализировать в ближайшие госпитали с последующей переправкой в тыловые спецгоспитали;

д) проводить санитарные обработки военнопленных с дезинфекцией их личных вещей в пути следования эшелонов;

е) организовать комплекс противоэпидемических мероприятий среди военнопленных (до передачи их в лагеря НКВД).

12. Запретить отправление военнопленных в не оборудованных под людские перевозки и неутепленных вагонах, без необходимых запасов топлива, путевого запаса продовольствия и хозяйственного инвентаря, а также не одетых или необутых по сезону.

Заместитель Народного комиссара обороны генерал-полковник интендантской службы А. ХРУЛЕВ».

Забегая вперед, имеет смысл уточнить, что в течение всего 1943 г. наладить нормально эвакуацию военнопленных с фронта так и не удалось. Стоит предположить, что такой важный приказ был отдан слишком поздно, и глупо было бы ожидать, что он мог бы быть надлежащим образом выполнен менее чем через месяц, когда на Красную Армию обрушился поток истощенных до крайнего состояния и больных военнопленных.

В первые дни января 1943 г. командующий войсками Донского фронта генерал-полковник Рокоссовский совместно с представителем Ставки генерал-полковником артиллерии Вороновым вспомнили стародавние времена и за два дня до начала операции по ликвидации «котла», с одобрения Москвы, обратились к командующему германской 6-й армии генерал-полковнику Паулюсу с ультиматумом следующего содержания.

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23-го ноября 1942 года. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением

Красной Армии, вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных войск издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как Командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут, по московскому времени, 9 января 1943 года в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд КОННЫЙ – станция КОТЛУБАНЬ.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность».

Паулюс отклонил ультиматум (по воспоминаниям Рокоссовского, советских парламентариев обстреляли с немецкой стороны), и 10 января 1943 г. на подступах к Сталинграду разверзся ад... Вот что вспоминал о последующих событиях командир 767-го гренадерского полка 376-й пехотной дивизии полковник Луитпольд Штейдле:

«10 января в 8 часов 5 минут русские начинают артиллерийский обстрел еще более сильный, чем 19 ноября: 55 минут воеют «сталинские органы», гремят тяжелые орудия – без перерыва залп за залпом. Ураганный огонь перепыхивает всю землю. Начался последний штурм котла.

Потом орудийный гром смолкает, приближаются выкрашенные в белое танки, за ними – автоматчики в маскировочных халатах. Мы оставляем Мариновку, затем Дмитриевку. Все живое драпает в долину Россошки. Мы окапываемся у Дубинина, а через два дня оказываемся в районе станции Питомник в Толовой балке. Котел постепенно сжимается с запада на восток: 15-го до Россошки, 18-го до линии Воропоново – Питомник – хутор Гончара, 22-го до Верхне-Елиашиш – Гумрака. Затем мы сдаем Гумрак. Исчезает последняя возможность самолетами вывозить раненых и получать боеприпасы и продовольствие.

(...) 16 января наша дивизия перестает существовать(...).

(...) Разложение усиливается. Иные офицеры, как, например, начальник оперативного отдела штаба нашей дивизии майор Вилуцки, удирают на самолете. После потери Питомника самолеты приземляются в Гумраке, который русские непрерывно обстреливают. Иные офицеры после расформирования их подразделений тайком бегут в Сталинград. Все большие офицеры хотят в одиночку пробиться к откатывающемуся назад немецкому фронту. Такие есть и в моей боевой группе (...).

Вскоре и сам Штейдле присоединился к этому унылому потоку В Сталинграде в это время все еще шли уличные бои, город был буквально забит солдатами и офицерами, которые не знали, что им теперь делать. Кто-то лелеял надежду самостоятельно выбраться из котла, кто-то хотел понять, что происходит, и получить внятные приказы, а кто-то просто надеялся найти в городе еду и кров. Ни те, ни другие, ни третьи не достигли своих целей. Сталинград во второй половине января превратился в обстреливаемый со всех сторон остров отчаяния.

«По улице перед зарешеченными окнами движется несчетное число солдат. Уже много дней они переходят из одного окопа в другой, роются в брошенных автомашинах. Многие из них прибыли из укрепленных подвалов на окраинах Сталинграда; их выбили оттуда советские штурмовые группы; здесь они ищут, где бы укрыться. То тут, то там появляется офицер. В этой сутолоке он пытается собрать боеспособных солдат. Однако многие из них предпочитают присоединиться к какому-либо подразделению в качестве оставших. Советские войска наступают и безостановочно продвигаются из одного квар-

тала, сада, заводской территории к другой, захватывая позицию за позицией. (...) Многие предельно устали, чтобы самостоятельно покончить с этим и покинуть этот разваливающийся фронт. Такие продолжают сражаться, так как рядом с ними стоят другие, намеревающиеся защищать свою жизнь до последнего патрона, те, кто все еще видит в советском солдате настоящего врага или же боится возмездия.

Вокруг нас – руины и дымящиеся развалины огромного города, а за ними течет Волга. Нас обстреливают со всех сторон. Где появляется танк, там одновременно видна и советская пехота, следующая непосредственно за «Т-34». Отчетливо слышны выстрелы и страшная музыка «сталинских органов», которые через короткие промежутки ведут заградительный огонь. Уже давно известно, что против них нет защиты. Апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства. Важнее вытащить из карманов или сухарных мешков убитых и раненых что-либо съедобное. Если кто-либо находит мясные консервы, он медленно съедает их, а коробку вычищает распухшими пальцами так, как будто именно от этих последних остатков зависит, выживет он или нет. А вот еще одно ужасное зрелище: три или четыре солдата, скорчившись, сидят вокруг дохлой лошади, отрывают куски мяса и едят его сырым.

Таково положение «на фронте», на переднем крае. Генералам оно известно так же хорошо, как и нам. Им «доносят» обо всем этом, и они обдумывают новые оборонительные мероприятия».

Наконец с 30 января по 2 февраля остатки германских войск, оборонявшихся в котле, сложили оружие. К удивлению советских военных (которые оценивали окруженную группировку примерно в 86 тысяч человек), только в плен с 10 января по 22 февраля 1943 г. попали 91 545 немцев (в том числе 24 генерала и около 2500 офицеров), а были еще и десятки тысяч погибших. Состояние пленных было ужасным. Больше 500 человек находились без сознания, у 70 процентов была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического и психического истощения. Были широко распространены воспаление легких, туберкулез, болезни сердца и почек. Почти 60 процентов пленных имели обморожения 2-й и 3-й степени с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Наконец, примерно 10 процентов находились настолько в безнадежном состоянии, что уже не было никакой возможности их спасти. Кроме всего прочего, пленные поступали в войска неравномерно, в течение всего января, а приказ о создании крупного фронтового лагеря был отдан 26-го числа этого месяца. Хотя лагерь, точнее несколько лагерей-распределителей, объединенных в управление № 108, с центром в поселке Бекетовка, начал функционировать уже в первых числах февраля, надлежащим образом обустроить его, конечно же, не удалось.

Но для начала пленных нужно было вывести из Сталинграда и как-то доставить в лагерь, которые находились от города примерно на расстоянии, не превышавшем суточного перехода воинской части, состоящей из здоровых людей. В наши дни Бекетовка уже вошла в городскую черту Волгограда. В летний день пеший путь от центра города до этого района занимает около пяти часов. Зимой потребуется больше времени, но для здорового человека такое «путешествие» не станет слишком трудным. Иное дело – истощенные до предела немцы. Тем не менее их нужно было срочно выводить из Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Отсутствовали помещения, пригодные для размещения огромного количества людей, не функционировала система водоснабжения. Среди пленных продолжали распространяться сыпной тиф и прочие инфекционные болезни. Оставить их в Сталинграде означало обречь на смерть. Длительные марши к лагерям тоже не сулили ничего хорошего, но хотя бы оставляли шансы на спасение. В любой момент город мог превратиться в эпидемический очаг, а смертельные болезни перекинуться на красноармейцев, которых в Сталинграде тоже собралось огромное количество. Уже 3–4 февраля способных передви-

гаться немцев, которые все еще ждали, что их расстреляют, построили в колонны и начали выводить из города.

Некоторые современные исследователи сравнивают вывод военнопленных из Сталинграда с «маршами смерти» в Юго-Восточной Азии, в ходе которых от рук японцев погибли тысячи американских и британских военнопленных. Есть ли почва для таких сравнений? Скорее нет, чем да. Во-первых, зверства японцев подтверждаются конкретными и многочисленными свидетельствами. Во-вторых, американцы и британцы попадали в плен здоровыми или сравнительно здоровыми (как, кстати, и красноармейцы в плен к немцам). В случае со Сталинградом конвоям приходилось иметь дело с людьми, значительная часть которых фактически находилась при смерти. Существуют анонимные свидетельства того, что некоторых, вконец обессилевших пленных, которые не могли больше двигаться, пристреливали конвоиры. В то же время военный врач Отто Рюле в своей книге «Исцеление в Елабуге» рассказывает о том, что всех упавших немецких солдат пересаживали на сани и везли до лагеря. А вот как описывает свой путь в лагерь полковник Штейдле:

«Группа офицеров, пополненная несколькими солдатами и унтер-офицерами, была построена в колонну по восемь человек (в восемь рядов). Предстоял марш, который потребовал от нас напряжения всех сил. Мы взяли друг друга под руки. Пытались сдерживать темп марша. Но для тех, кто шел в конце колонны, он был все же слишком быстрым. Призывы и просьбы идти медленнее не прекращались, и это было тем более понятно, что мы взяли с собой многих с больными ногами, а они с трудом могли двигаться по наезженной, блестящей как зеркало, оледеневшей дороге. Чего только я как солдат не видел на этих маршах! Бесконечные ряды домов, и перед ними – даже у маленьких хаток – с любовью ухоженные огороды и садики, а позади – играющие дети, для которых все, что происходит, либо стало обыденным, либо осталось непостижимым. А потом все время тянулись бесконечные поля, перемежающиеся с лесными полосами и крутыми или пологими холмами. Вдалеке проглядывали контуры промышленных предприятий. Часами мы маршировали или ехали вдоль железных дорог и каналов. Были испытаны все способы переходов, вплоть до использования горной дороги на головокружительной высоте. А затем снова марши мимо дымящихся развалин, в которые были превращены существовавшие в течение столетий населенные пункты. (...) По обе стороны нашего пути простирались заснеженные поля. По крайней мере, так казалось нам в то январское утро, когда морозный воздух смешивался со спускавшимся туманом, и земля как бы терялась в бесконечности. Только время от времени можно было увидеть тесно сгрудившихся военнопленных, которые, как и мы, совершали этот марш, марш вины и позора! (...) Примерно через два часа мы добрались до большой группы зданий при въезде в Бекетовку».

При этом Штейдле подчеркивает корректное поведение конвоя и тот факт, что солдаты выстрелами в воздух отгоняли гражданских, которые пытались подойти к колонне.

Пленные в Сталинграде продолжали прибывать до 22 февраля 1943 г. В этот день в городе и его окрестностях насчитывалось 91 545 вражеских военнослужащих, часть из которых уже была мертва. В первые же дни с размещением пленных возникли большие проблемы. В частности, бекетовский лагерь не был оборудован достаточными площадями. Обратимся снова к воспоминаниям Штейдле:

«Нас разместили там во всех помещениях от подвала до чердака, большей частью группами по восемь, десять или пятнадцать человек. Кто сначала не захватил себе места, тому пришлось стоять или сидеть на площадках лестницы как придется. Зато в этом здании были окна, была крыша, вода и временно оборудованная кухня. Напротив главного здания находились уборные. В соседнем здании была санитарная часть с советскими врачами и медсестрами. Нам разрешили в любое время дня ходить по большому двору, встречаться и разговаривать друг с другом.

Чтобы избежать сыпного тифа, холеры, чумы и всего прочего, что могло возникнуть при таком скоплении людей, была организована широкая кампания по предохранительным прививкам. Однако для многих это мероприятие оказалось запоздалым. Эпидемии и тяжёлые болезни были распространены еще в Сталинграде. Кто заболел, тот умирал один или среди товарищей, где придется: в переполненном, наспех оборудованном под лазарет подвале, в каком-нибудь углу, в снежном окопе. Никто не спрашивал о том, отчего умер другой. Шинель, шарф, куртка мертвого не пропадали – в этом нуждались живые. Через них-то и заражались очень многие. И здесь, в Бекетовке, проявилось то, что мы считали совершенно невозможным, но что сделало чрезвычайно ясным и преступный характер действий Гитлера, и нашу собственную вину за то, что мы не выполнили давно созревшего решения: физический, психический и духовный крах небывалого масштаба. Многие сумевшие выбраться из сталинградского пекла не выдержали и погибли от сыпного тифа, дизентерии или полного истощения физических и психических сил. Любой, кто еще несколько минут назад был жив, мог неожиданно рухнуть на пол и уже через четверть часа оказаться среди мертвых. Любой шаг для многих мог стать роковым. Шаг во двор, откуда больше не вернешься, шаг за водой, которую больше не выпьешь, шаг с буханкой хлеба под мышкой, которую больше не съешь... Неожиданно переставало работать сердце.

Советские женщины – врачи и санитарки, – часто жертвуя собой и не зная покоя, боролись против смертности. Они спасли многих и помогли всем. И все же прошла не одна неделя, прежде чем удалось приостановить эпидемии».

Сталинградских пленных отправляли не только на окраины разрушенного города. Вообще на месте предполагалось оставить раненых, больных и еще 20 000 человек, которые должны были заниматься восстановлением Сталинграда. Прочие подлежали распределению в лагеря, находившиеся в других районах страны. Так, уцелевших офицеров и генералов разместили в подмосковном Красногорске, Елабуге, Суздале и в Ивановской области. Так вышло, что именно те, кто был вывезен из Сталинградской области, составили значительную часть выживших. Большинство же пленных ждала печальная участь. Сначала умирали раненые. На момент пленения в немедленной госпитализации нуждалось не менее 40 000 человек. Однако лагерь № 108 изначально не был оборудован госпиталями. Они начали свою работу только 15 февраля. К 21 февраля медицинскую помощь получили уже 8696 военнопленных, из которых 2775 были обморожены, а 1969 нуждались в хирургических операциях в связи с ранениями или болезнями. Несмотря на это, люди продолжали умирать.

Повальная смертность среди военнопленных серьезно обеспокоила руководство СССР. В марте была сформирована совместная комиссия Наркомздрава, НКО, НКВД и Исполкома союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, которая должна была обследовать лагерь Управления лагеря № 108 и определить причины столь высокой смертности. В конце месяца комиссия обследовала лагерь в Хреновое. В акте обследования говорилось:

«По данным актов физического состояния прибывших в лагерь военнопленных, они характеризуются следующими данными: а) здоровых – 29 проц.,

б) больных и истощенных – 71 проц. Физическое состояние определялось по наружному виду, к группе здоровых относились военнопленные, могущие самостоятельно передвигаться».

Другая комиссия, обследовавшая через несколько дней лагерь военнопленных «Вельск», в своем акте записала:

«У военнопленных выявлена крайняя завышенность, их состояние очень истощенное. 57 проц.

смертности падает на дистрофию, 33 проц. – на сыпной тиф и 10 проц. – на другие заболевания... Сыпной тиф, завшивленность, авитаминоз отмечались у немецких военнопленных еще во время пребывания в окружении в районе Сталинграда».

В общих выводах комиссии говорилось, что многие военнопленные прибыли в лагеря с заболеваниями, имевшими необратимый характер. Как бы то ни было, к 10 мая

1943 г. 35 099 первых обитателей бекетовских лагерей были госпитализированы, 28 098 человек отправлены в другие лагеря, а еще 27 078 человек умерли. Судя по тому, что после войны в Германию вернулось не больше 6000 человек, плененных под Сталинградом, среди которых было много офицеров, чье пребывание в плену проходило в относительно комфортных условиях, можно предположить, что большинство «сталинградцев», захваченных Красной Армией, не пережило 1943 г.

Из ошибок, допущенных зимой 1943 г., когда советской стороне пришлось принимать большую группу военнопленных, были сделаны выводы. Уже в середине мая всем начальникам лагерей была разослана Директива НКВД СССР о необходимости принятия мер по улучшению санитарно– бытовых условий содержания военнопленных.

Москва 15 мая 1943 г.

Сов. секретно

Начальнику УНКВД _ т.

Копия: Начальнику лагеря _____ военнопленных

т. _____

Учитывая, что основная масса военнопленных, захваченных в плен зимой 1942/43 гг., к моменту пленения оказались крайне истощенными, больными, ранеными и обмороженными, в связи с чем работа по восстановлению физического состояния военнопленных и ликвидация случаев заболеваемости и смертности военнопленных до последнего времени не дала должных результатов, НКВД СССР в дополнение к ранее данным директивам предлагает:

1. Принять необходимые меры улучшения бытовых условий военнопленных. Привести в образцовое санитарное состояние жилые помещения и территорию лагеря. Обеспечить достаточную пропускную способность бань, дезокамер и прачечных, полностью ликвидировать вшивость среди военнопленных.

2. Улучшить лечение каждого в отдельности военнопленного.

3. Организовать дифференцированное лечебное питание для истощенных и больных.

4. Пропустить весь контингент военнопленных через медицинскую комиссию и освободить от работы с зачислением в оздоровительные команды ослабленных, выдавая им по 750 граммов хлеба в день и увеличенное на 25 % питание впредь до полного восстановления трудоспособности. Для военнопленных, ограниченно трудоспособных, установить снижение на 25–50 % нормы выработки с выдачей им полной нормы питания.

Медицинское обследование военнопленных производить не реже одного раза в месяц.

5. Принять меры к полному и своевременному снабжению лагерей военнопленных всеми видами довольствия, в частности овощами, витаминными продуктами и продуктами для диетпитания.

6. Обеспечить лагерь положенным нательным бельем и постельными принадлежностями в пределах потребности.

Для обеспечения проведения указанных мероприятий по предотвращению смертности и налаживанию медико-санитарного обслуживания военнопленных начальнику УНКВД т. _____ лично выехать на место и принять меры по оказанию помощи лагерю.

О состоянии лагеря военнопленных и выполнении настоящей директивы начальнику УНКВД т. _____ регулярно докладывать в НКВД СССР через начальника Управления по делам военнопленных генерал-майора Петрова.

Зам. наркома т. Круглову систематически проверять выполнение настоящей директивы.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

В дальнейшем эксцессов, подобных сталинградскому, в советских лагерях для военнопленных не происходило. Всего за период с 1941 по 1949 г. в СССР от различных причин умерло или погибло больше 580 тысяч военнопленных разных национальностей – 15 процентов от общего числа взятых в плен. Для сравнения, потери советских военнопленных составили 57 процентов. Если же говорить о главной причине смерти сталинградских пленников, то она очевидна – это отказ Паулюса от подписания капитуляции 8 января. Нет сомнений, что и в этом случае многие немецкие солдаты не выжили, однако большинству удалось бы спастись. Собственно, если бы значительная часть плененных немецких генералов и офицеров не увидели, с каким равнодушием относится к их судьбам собственное командование, а потом не ощутили на себе самоотверженность, с которой простые советские люди, их враги, сражались за их здоровье, вряд ли они стали бы участвовать в создании комитета «Свободная Германия».

Александр Дюков. «Die aktion kaminsky»: локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА

Для российских историков-ревизионистов история «Локотского автономного округа» и сформированной в нем бригады Бронислава Каминского давно стала своеобразной «Малой землей». Подобно тому как в эпоху «застоя» действия 18-й армии на Новороссийском плацдарме стали превращаться чуть ли не в главное событие Великой Отечественной, в наше время ясно наметилась тенденция рассматривать создание в поселке Локоть на Брянщине местного самоуправления как событие практически всемирно-исторического значения, как некую «альтернативу» борьбе против пришедших на нашу землю оккупантов.

Разумеется, подобная точка зрения в российском обществе является откровенно маргинальной; ее сторонников можно встретить разве что среди полубезумных «истинно православных» сектантов, празднующих день рождения Гитлера неонацистов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Посев» неовласовцев да прагматично отрабатывающих зарубежные гранты «либералов». А вот в историографии апологетика «локотской альтернативы» парадоксальным образом оказывается господствующей – просто потому, что писать о ней предпочитают почти исключительно ревизионисты. И пишут они активно: к настоящему времени о «Локотском округе» опубликовано четыре книги и несколько десятков статей⁹⁶. При этом, правда, особого прироста фактической информации не наблюдается: в качестве основного источника в большинстве случаев используется издававшаяся в Локоте коллаборационистская пресса да отдельные сообщения советских партизан. Еще одна примета ревизионистской историографии – практически полный отказ от исследования преступлений формирования РОНА, совершавшихся во время карательных операций против советских партизан. Зато партизаны в работах ревизионистов непременно предстают кровавыми бандитами.

Публикуемая статья не претендует на полное раскрытие всех тем, связанных с историей Локотского округа бригады Каминского. За скобками остается участие бригады РОНА в борьбе с белорусскими партизанами под Лепелем, участие «каминцев» в подавлении Варшавского восстания и многие другие не менее интересные сюжеты. Написание полной истории «бригады Каминского» – дело будущего, пусть и недалекого. Пока же попробуем найти ответы на вопросы, связанные с т. н. «Локотским округом». Чем на самом деле являлось это административное образование? Действительно ли формирования Каминского, а не советские партизаны были «хозяевами Брянских лесов»? Участвовали ли «каминцы» в нацистском геноциде против населения оккупированных областей?

1. Оперативная обстановка

Для начала уясним обстановку на оккупированной нацистами Брянщине. Оккупирована эта территория была в начале октября 1941 г. Сокрушив войска Брянского фронта, 2-я танковая армия Гудериана ушла дальше – на Тулу и Москву. А перед командующим тылом армии встала нелегкая задача организации на захваченных территориях оккупационного порядка.

---

⁹⁶ Ермолов И.Е. Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто Брянский лес». – Орел, 1999; Ермолов И. Ф., Дробязко С.И. Анти-партизанская республика. – М., 2001; Веревкин С. Вторая мировая война: Вырванные страницы. – М., 2004; Ерибков И.В. Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М., 2008.

Анализ немецких документов, проведенный американскими историками, свидетельствует, что главной проблемой командующего тылом был недостаток войск. «После продвижения боевых частей дальше на восток ответственность за управление и обеспечение безопасности в этом регионе была возложена на командование тыловых частей второго эшелона. Имеющихся в их распоряжении сил едва хватало для занятия крупных центров и защиты главных линий коммуникаций»⁹⁷.

Главными коммуникационными линиями были, естественно, железные дороги. В области их было немало. С запада в область вели две железные дороги: Гомель–Клинцы – Унеча – Брянск с юго-запада и Смоленск–Рославль – Брянск с северо-запада. Из Брянска железные дороги расходились по четырем направлениям. На юг шла железнодорожная ветка Брянск – Навля – Льгов–Харьков. От Льгова на восток уходила железная дорога к Курску. На юго-восток из Брянска шла железная дорога на Орел; на северо-восток – к Калуге, на севере – к Кирову и Вязьме. Еще одна железнодорожная ветка напрямую связывала Орел и Курск.

Значительная протяженность железных дорог сама по себе делала их защиту довольно-таки трудным делом. Ситуация усугублялась тем, что Брянщина была покрыта густыми лесами, в которых находили укрытие «окруженцы» разбитого Брянского фронта, а также организованные местными партийными властями и органами госбезопасности партизанские отряды и диверсионные группы. Согласно отчету начальника 4-го отдела УНКВД по Орловской области, в общей сложности на оккупированной территории было оставлено 72 партизанских отряда общей численностью 3257 человек, 91 партизанская группа общей численностью 356 человек и 114 диверсионных групп численностью 483 человека⁹⁸. Немаловажным было то, что в отличие от партизан приграничных областей, которых летом 1941 г. забрасывали в тыл врага практически без подготовки, у орловских партизан было время на слаживание. Больше половины из них к тому же прошли подготовку в специальных школах, в первую очередь – в возглавлявшемся полковником Стариновым Оперативно-учебном центре. Результат не замедлил сказаться: в течение октября – середины декабря распалось лишь 8 партизанских отрядов общей численностью 356 человек⁹⁹. Остальные продолжали борьбу.

Командующий 2-й армии мог противопоставить партизанам немного: часть охранной дивизии тыла группы армий «Центр», батальон охраны и батальон военной полиции. 29 октября в помощь этим силам с фронта был снят полк из состава 56-й дивизии¹⁰⁰.

Кроме того, на территории Брянщины действовали подразделения айнзатцгруппы «Б» – сначала зондеркоманда 7-б, а затем зондеркоманда 7-а (дислоцировавшаяся в Клинцах) и айнзатцкоманда 8 (действовала в Брянске)¹⁰¹. Основной их задачей было уничтожение «нежелательных элементов», в первую очередь – коммунистов и евреев.

Без дела эти подразделения не оставались: практически сразу же после оккупации в районе железнодорожной станции Брянск-2 был проведен расстрел примерно семи тысяч человек, значительное число из которых составляли евреи¹⁰². В Орле в течение первого месяца оккупации было расстреляно и повешено 1683 человека¹⁰³. Менее масштабные расстрелы проводились и в других населенных пунктах. «Расстреливали целыми группами, [по] 30–50, аресты и расстрелы, за кислородным заводом, трупы расстрелянных валялись

⁹⁷ *Армстронг Дж.* Партизанская война: Стратегия и тактика, 1941–1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. – М., 2007. С. 87.

⁹⁸ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 87.

¹⁰¹ *Чу ев С.Г.* Спецслужбы Третьего рейха. – СПб., 2003. Кн. 2. С. 33–34; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. – М., 2002. С. 261–262.

¹⁰² *Альтман И.Л.* Жертвы ненависти. С. 262–263.

¹⁰³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. С. 221; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 205.

несколько дней, – вспоминала впоследствии жительница города Бежица (Орджоникидзград). – Так продолжалось весь 41-й и начало 42-го года. Достаточно было одного заявления какого-нибудь преданного негодяя, и человек переставал существовать»¹⁰⁴.

Массовые расстрелы, а также остававшийся безнаказанным произвол со стороны немецких солдат (в полном соответствии со знаменитым указом «О военном судопроизводстве»)¹⁰⁵ быстро настроили городское население против оккупантов. Это хорошо прослеживается по немецким документам, исследованным американскими историками. В декабре 1941 г. в одном из донесений отмечалось: «Города являются центрами партизан, которых, как правило, сельское население (крестьяне) отвергает»¹⁰⁶.

Крестьяне действительно были настроены к оккупантам несколько более лояльно, чем городские жители, – по той простой причине, что им еще не довелось ощутить на своей шкуре нацистский оккупационный порядок. А вот насчет неприятия крестьянами партизан авторы донесения выдавали желаемое за действительное. Тотального отторжения не было; некоторые крестьяне помогали партизанам как «своим», некоторые, опасаясь репрессий или испытывая неприязнь к советской власти, партизанам в помощи отказывали. Общей модели поведения к зиме 1941 г. не существовало.

Отсутствие полной поддержки со стороны сельского населения не мешало советским партизанам активно действовать. По данным 4-го отдела УНКВД Орловской области, к середине декабря орловские партизаны вывели из строя 1 бронепоезд противника, 2 танка, 17 бронемашин, 82 грузовые машины, убили 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и 19 предателей. Кроме того, было уничтожено 11 деревянных мостов, 2 железнодорожных, 1 понтонный и произведено 3 подрыва железнодорожных путей¹⁰⁷. Возможно, эти данные были несколько завышенными (суворовский принцип «пиши поболее, чего басурман жалеть» никто не отменял), однако в том, что партизаны причиняли оккупантам серьезные неприятности, сомневаться не приходится.

Ведь в противном случае снимать с фронта полк 56-й дивизии командование 2-й армии не пришлось бы.

К концу 1941 г. «партизанская угроза» оккупантам увеличилась. В южную часть Брянских лесов между железной дорогой Брянск – Навля – Льгов и рекой Десной стали выходить партизанские отряды из соседней Курской области и с Украины (соединения Ковпака и Сабурова). На севере области советские войска освободили Киров, тем самым перерезав железнодорожную магистраль Брянск – Вязьма. В линии фронта образовалась брешь, через которую шла помощь партизанам. Концентрация партизан на Брянщине увеличивалась, а вместе с ней увеличивалась и активность боевых действий.

Немецких же охранных частей становилось меньше, поскольку после поражения под Москвой на фронте был важен каждый штык. Полк 56-й дивизии был направлен на фронт 10 декабря; задачи охраны оккупированной территории были возложены на базировавшуюся в Брянске региональную администрацию, имевшую в своем распоряжении батальон охраны, батальон полиции и несколько групп полевой жандармерии¹⁰⁸. Собственно немецкие подразделения дополнялись местными коллаборационистами: в населенных пунктах Брянщины имелись назначенные немцами бургомистры, а при них – сформированные в последние месяцы 1941 г. небольшие отряды вооруженной «милиции». Один из первых таких отрядов был сформирован в поселке Локоть.

¹⁰⁴ Там же. С. 412–413; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 345об.

¹⁰⁵ Там же. С. 221; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 205.

¹⁰⁶ *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 146.

¹⁰⁷ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

¹⁰⁸ *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 87.

2. Начало «Локотского самоуправления»

Локоть – небольшой населенный пункт в Брасовском районе Орловской (в наше время – Брянской) области. До войны население этого поселка составляло несколько тысяч человек; еще примерно 35 тысяч проживали в прилегающей к Локотю и райцентру Брасово сельской местности. Крупных промышленных предприятий здесь не было: район был аграрным¹⁰⁹. Единственным символом модернизации была разделяющая Локоть и райцентр Брасово железная дорога, шедшая от Брянска через Навлю, Локоть и Дмитриев на Льгов. Рядом с Навлей от железной дороги отходило ответвление, идущее через Хутор Михайловский на Конотоп. У Конотопа эта ветка соединялась с железнодорожной магистралью Киев – Льгов – Курск. Таким образом, проходящие через Брасовский район железные дороги были важными коммуникационными линиями, кратчайшим способом связывающими Брянск с Курском и Украиной. А в прилегавших к железным дорогам населенных пунктах оккупационная власть, по понятным причинам, устанавливалась в первую очередь.

В поселок Локоть немецкие войска вошли 4 октября; в тот же день им предложили свои услуги преподаватель физики в местном техникуме Константин Воскобойник и инженер Локотского спиртзавода Бронислав Каминский. Предложенные услуги были приняты: Воскобойник был назначен старостой Локотского волостного управления, а Каминский – его заместителем. При управлении разрешалось иметь вооруженный винтовками отряд «народной милиции» численностью 20 человек. Через две недели, 16 октября, оккупанты разрешили Воскобойнику увеличить отряд «народной милиции» до 200 человек, а в деревнях создать так называемые «группы самообороны»¹¹⁰. Причина, по которой было принято это решение, проста: западнее Локотя, в районе Трубчевска немецкие войска замкнули котел, в который попали части 13-й и 3-й армий Брянского фронта. Сильный отряд «народной милиции» в Локоте был необходим для того, чтобы отлавливать выбравшихся из окружения красноармейцев.

Одновременно 16 октября оккупационные власти официально утвердили управу Локотской волости, в состав которой вместе с Воскобойником и Каминским вошли бывший заведующий Брасовским районным отделом народного образования Степан Мосин и ставший начальником полиции уголовник Роман Иванин¹¹¹.

Получив признание со стороны оккупантов, глава управы Воскобойник преисполнился наполеоновских планов и 25 ноября выпустил манифест, в котором объявил о создании народно-социалистической партии «Викинг». Манифест обещал уничтожение колхозов, бесплатную передачу пахотной земли крестьянам и свободу частной инициативы в возрожденном русском национальном государстве¹¹².

К декабрю 1941 г. в районе было организовано 5 ячеек новоиспеченной партии; кроме того, Воскобойник отправил своих заместителей Каминского и Мосина с пропагандистскими поездками в соседние районы. По легенде, глава управы напутствовал уезжающих словами: «Не забудьте, что мы работаем не для одного Брасовского района, а в масштабе всей России. История нас не забудет»¹¹³. Впрочем, пропаганда «Манифеста» среди населе-

¹⁰⁹ *Dallin A.* The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection // *Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of V. I. Nikolaevsky* – Bloomington: Indiana University Press, 1972. P. 244.

¹¹⁰ *Чу ев С.Г.* Проклятые солдаты: Предатели на стороне III рейха. – М., 2004. С. 109.

¹¹¹ *Ермолов И. Г., Дробязко С.И.* Антипартизанская республика. – М., 2001. (Здесь и далее цитируется по электронной версии, размещенной на сайте gopa.org.ru).

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

ния не была главной целью Мосина. Главной его целью была встреча с руководством немецких тыловых органов, которые должны были утвердить создание партии.

Судя по немецким документам, Мосин ходил на поклон к начальнику тыла 2-й армии дважды. Согласно докладной записке офицера отдела 1-с штаба 2-й армии обер-лейтенанта А. Босси-Федриготти, во время второго визита Мосин от лица Воскобойника просил у командования армии разрешение на деятельность партии. Вместо разрешения немецкие офицеры передали для Воскобойника несколько вопросов, прекрасно показывающих приоритеты оккупационных властей:

1. Как Воскобойник относится к партизанам?
2. Готов ли Воскобойник вести пропаганду против партизан?
3. Готов ли Воскобойник активно участвовать в борьбе против партизан?

Мосин ответил на все эти вопросы положительно и даже обещал сотрудничать с приданной армии абверкомандой¹¹⁴.

По возвращении Мосина Воскобойник предпринял несколько демонстративных антипартизанских акций. Был организован суд над медсестрой локотской больницы Поляковой, которую обвинили в укрытии медикаментов для партизан и расстреляли¹¹⁵.

Было также предпринято несколько операций против партизан. В ходе одной из них в деревне Алтухово был убит партизан и арестованы 20 местных жителей; в ходе другой – недалеко от Локотя была рассеяна партизанская группа¹¹⁶.

Локотский отряд «народной милиции» спешно доукомплектовывался, причем методы вербовки «милиционеров» были весьма своеобразными. Об этих методах можно судить по истории начальника отдела Брасовского райисполкома Михаила Васюкова. Перед приходом немцев Васюков в соответствии с директивой райкома ушел в лес к партизанам, однако добраться до отряда не смог и после двухнедельных блужданий вернулся к своей семье в Локоть. Васюкова арестовали, потом отпустили было домой, но 21 декабря арестовали вторично. «Посадили в тюрьму. К трем часам ночи на моих глазах в камере было расстреляно 3 человека. После расстрела этих граждан я был вызван к обер-бургомистру Воскобойнику, который мне сказал: «Видели? Или работайте с нами, или мы вас сейчас же расстреляем». По своей трусости я сказал ему, что я готов работать прорабом. На это Воскобойник ответил мне, что сейчас не время заниматься строительством, а нужно брать оружие и вместе с немцами принимать участие в борьбе против советской власти и, в частности, против советских партизан. Так я был зачислен в полицейский отряд, в составе которого дважды принимал участие в карательных экспедициях против советских партизан»¹¹⁷.

Вершиной антипартизанских мероприятий Воскобойника стал разосланный по окрестным деревням приказ партизанам сдать ся:

«Предлагаю всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, т. е. не позднее 1 января 1942 года, сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть. Являться небольшими группами – 2–3 человека, вызывать постового бойца и сообщать ему о целях своего прихода. Все не явившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады.

¹¹⁴ Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 247–248. О должности А. Босси-Федриготти см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов (далее – ОГБ). – М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 544, 547.

¹¹⁵ Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта: Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. 2006. № 10. С. 91; ЦАФСБ.Д. Н-18757.

¹¹⁶ Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 248.

¹¹⁷ Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. Варшава; Москва, 2007. С. 1204; ЦА ФСБ.Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

Пора давно прекратить безобразия и приступить к организации мирной трудовой жизни. Всякие сказки о возвращении советского режима в оккупированные области являются вздорными необоснованными слухами, которые распространяются злостными советскими элементами с целью дезорганизации граждан и поддержания состояния беспорядка и неуверенности в кругах широкого трудового населения.

Сталинский режим умер безвозвратно, это пора понять всем и становиться на путь спокойной трудовой жизни. Вздорными являются слухи о поголовном истреблении партизан и коммунистов. Опасность может грозить только самым злонамеренным представителям партийного и советского аппарата, которые не хотят сами и не дают другим стать на мирный трудовой путь.

Настоящий приказ является последним предупреждением.

В селениях, где настоящий приказ получен с запозданием, регистрация партизан может быть отсрочена до 15 января 1942 года»¹¹⁸.

Следует заметить, что до середины декабря 1941 г. брянские партизаны особого внимания коллаборационистам не уделяли, предпочитая нападать на немецкие подразделения и гарнизоны. О партизанских приоритетах наглядно свидетельствует уже упоминавшийся отчет начальника 4-го отдела УНКДЦ по Орловской области, согласно которому к 14 декабря партизанами было убито 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и всего лишь 19 предателей¹¹⁹. Однако в декабре положение изменилось. Немцы пытались переложить тяжесть борьбы с партизанами на местные формирования, а партизаны, нападая на коллаборационистов, пытались оккупантов этой подпорки лишить. К 20 декабря партизанами Орловской области был уничтожен уже 41 предатель¹²⁰, а к 10 мая 1942 г. – 1014 полицейских и предателей¹²¹.

Пришел черед и локотской управы, чему в немалой степени поспособствовал приказ Воскобойника партизанам. Сдаваться партизаны не стали, а вместо этого решили разгромить размещавшийся в Локоте гарнизон.

В изложении историков-ревизионистов нападение партизан на локотскую управу приобретает поистине эпический характер. Нам рассказывают, что нападение это произошло потому, что советские власти испугались «локотской альтернативы», что партизанами командовал руководитель оперативной группы УНКВД по Орловской области Дмитрий Емлютин, что партизаны понесли огромные потери и что лишь сразившая Воскобойника случайная пуля позволила партизанам уйти из Локотя¹²².

На самом деле нападением на Локоть командовал не Емлютин, а командир украинского партизанского соединения Александр Сабуров (тоже, кстати говоря, чекист). Начиная с декабря месяца Сабуров целенаправленно бил немецкие гарнизоны и полицейские опорные пункты на юге брянских лесов. Сохранилась выписка из журнала боевых действий Сабурова: «2 декабря – разгром полицейского гарнизона в Красной Слободе. 8 декабря – похищение районной администрации в райцентре Суземка. 26 декабря – разгром гарнизона в Суземке. 1 января 1942 г. – уничтожен полицейский участок в Селечно. 7 января – ликвидирован крупный гарнизон в поселке Локоть»¹²³.

Нападение на администрацию Локотя ничем не отличалось от нападения на гарнизон в Суземке; партизаны просто-напросто уничтожали коллаборационистов.

¹¹⁸ Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

¹¹⁹ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

¹²⁰ Русский архив: Великая Отечественная (Далее – РАВО). – М., 1999. Т. 20 (9). С. 109; ЦАМО.Ф. 32. Оп. 11309. Д. 137. Л. 425–433.

¹²¹ РГАСПИ.Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2–4; Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М., 2003. С. 311.

¹²² См., напр.: Грибков И.В. Хозяин брянских лесов. С. 21.

¹²³ Сабуров А.Н. Отвоёванная весна. – М., 1968. Кн. 2. С. 15.

Не соответствует действительности и то, что нападение на Локоть обернулось для партизан поражением. Достаточно хорошо известны воспоминания одного из участвовавших в этой операции партизан:

«Командиры партизанских отрядов «За Родину», имени Сталина и имени Сабурова договорились о проведении совместного нападения на Локоть. Днем налета был избран канун Рождества, который усердно праздновался гитлеровскими бандитами.

И вот в ночь под Рождество, с 7 на 8 января 1942 года, сводный партизанский отряд на 120 санях отправился в путь. В деревне Игрицкое сделали привал. Мороз стоял не рождественский, а крещенский, партизаны озябли. Жители Игрицкого обогрели их, накормили, и отряд двинулся дальше через деревни Лагиревка и Тросная. Мороз крепчал, его усиливал подувший северо-восточный ветер. Мела поземка. Чтобы не обморозиться, многие партизаны бегом бежали за санями.

Противник в Локоте не ждал партизан, поэтому мы въехали в поселок без выстрела. Лошадей, запряженных в сани, поставили на липовой аллее. Партизаны сразу же обложили здание лесного техникума, где размещались основные силы гарнизона, и дом бургомистра Войскобойника. Начали обстрел, в окна зданий полетели гранаты.

Оккупанты и полицейские открыли по партизанам беспорядочный ответный огонь из автоматов и пулеметов. Во время перестрелки мы видели, как из дома, где жил Воскобойник, на веранду кто-то вышел и крикнул: «Не сдавайтесь, бейте их».

Рядом со мной лежал на снегу и вел огонь из ручного пулемета мой односельчанин Миша Астахов. Я обратил его внимание на веранду и сказал, чтобы он повернул пулемет туда. После второй короткой очереди мы услышали на веранде падение тела и возню людей. Как раз в этот момент усилился огонь противника и это отвлекло нас от дома Воскобойника.

Перестрелка продолжалась до рассвета. Вместе с А. Малышевым я попытался поджечь дом бургомистра. Мы подтащили к стене охапку соломы и стали ее зажигать. Но солома была мокрая и не загоралась. Между тем стало светать. Здание лесного техникума захватить не удалось, хотя оно было изрешечено пулями. Враг стал наседать с других сторон. И командование решило на этом закончить боевую операцию. Не потеряв ни одного человека убитыми и захватив несколько раненых, мы ушли»¹²⁴.

Даже если потери партизан мемуаристом преуменьшены, неудачным нападение на Локоть назвать нельзя. Партизаны напали на гарнизон и ушли до подхода основных сил противника. В итоговом отчете Сабурова говорится о 54 уничтоженных полицейских¹²⁵. Не так уж мало – ведь численность «народной милиции» Воскобойника к тому моменту составляла двести человек. Гибель главы управы Воскобойника, пусть и случайную, также следует записать в актив партизан.

3. Начало правления Каминского

Нападение партизан на Локоть и гибель Воскобойника обернулись для его заместителя Бронислава Каминского серьезными проблемами. Партизаны наглядно продемонстрировали свою силу; недовольные этим очевидным провалом немцы могли отказать Каминскому в назначении на должность главы управы. Для того чтобы получить назначение, необходимо было доказать оккупантам свою полезность.

¹²⁴ Ляпунов Н.И. В ночь под Рождество // Партизаны Брянщины: Сборник рассказов бывших партизан. – Брянск, 1959. Т. 1. С. 419–421.

¹²⁵ ОГБ.Т. 2. Кн. 2. С. 222.

Уже на следующий день после партизанского налета Каминский объявил о мобилизации в «народную милицию». До того «милиция» состояла из местных добровольцев и не пожелавших отправляться в лагерь для военнопленных «окруженцев». Теперь же под ружье призывались все мужчины призывного возраста, причем в случае отказа им грозили расправой. «Воскобойник был убит партизанами, и вся власть в районе перешла к Каминскому и его заместителю Мосину, которые в тот же день объявили мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, – вспоминал уже цитировавшийся нами Михаил Васюков. – Примерно к 20 января набрали человек 700, большинство из которых были мобилизованы силой, под страхом расправы с ними или семьей»¹²⁶.

Угрозы были подтверждены наглядными примерами: в отместку за гибель Воскобойника было расстреляно много заложников из числа местных жителей¹²⁷. Заместитель

Каминского Мосин лично принимал участие в пытках арестованного бывшего милиционера Седакова. Седаков умер под пытками, а его труп был вывешен в центре Локотя¹²⁸.

После этого Каминский отправился в Орел к начальнику тыла 2-й танковой армии. Как раз в это время в штабе 2-й танковой армии находился коллаборационист Михаил Окταν, в будущем – редактор орловской газеты «Речь». «В штабе я встретил Каминского, который был вызван туда в связи со смертью главы Локотского района Воскобойника, – вспоминал Окταν. – Мы жили в одной комнате, и в качестве переводчика я присутствовал при нескольких встречах Каминского с командующим тыла... генералом Хаманном. Каминский обещал после получения разрешения на возвращение в район привести его в соответствие с задачами германской военной администрации: милитаризовать его таким образом, чтобы обеспечить защиту тыла германской армии и увеличить поставки продовольствия для германских войск»¹²⁹.

В условиях все возрастающей партизанской угрозы обещания Каминского выглядели соблазнительно. Каминский был утвержден в должности главы районной управы и, вернувшись в Локоть, продолжил «милитаризацию» района. В январе 1942 г. «народная милиция» насчитывала 800 человек, в феврале – 1200, в марте – 1650 человек¹³⁰. Боеспособность этих отрядов была как минимум сомнительной (даже в конце года немецкие офицеры констатировали, что «боевики инженера Каминского не могут отразить крупных нападений»¹³¹), однако вовлечение местных жителей в «народную милицию» в определенной мере гарантировало, что они не уйдут в партизаны.

Особого доверия к населению своего района Каминский, кстати говоря, не испытывал. Об этом ясно свидетельствуют отдававшиеся новым главой управы приказы.

Одним из своих указов Каминский запретил передвижение между деревнями района и ввел комендантский час. Согласно другому, жители примыкавших к зданию управы Липовой аллеи и Весенней улицы должны были в течение трех дней покинуть свои дома. На их место Каминский поселил верных себе полицейских, застраховавшись таким образом от нового нападения партизан¹³².

Активизировались расстрелы в превращенном в тюрьму здании конезавода – до такой степени, что понадобился специальный палач. И он нашелся. В январе 1942 г. в Локоть пришла изможденная девушка – вышедшая из окружения под Вязьмой бывшая медсестра

¹²⁶ Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦАФСБ.Д. Н-18757.

¹²⁷ Там же. С. 92.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 249–250.

¹³⁰ Грибков И.В. Хозяин брянских лесов. С. 33.

¹³¹ Dallin A. The Kaminsky Brigade. P. 255.

¹³² Ibid. P. 250.

Тоня Макарова. После многомесячных блужданий по лесам она, по всей видимости, немного тронулась рассудком. Локотские «милиционеры» напоили девушку, посадили за пулемет и вывели во двор приговоренных.

Несколько десятилетий спустя арестованная органами госбезопасности Макарова расскажет о своем первом расстреле. «Первый раз ее вывели на расстрел партизан совершенно пьяной, она не понимала, что делала, – вспоминал следователь Леонид Савоськин. – Но заплатили хорошо – 30 марок и предложили сотрудничество на постоянной основе. Ведь никому из русских полицаев не хотелось мараться, они предпочли, чтобы казни партизан и членов их семей совершала женщина. Бездомной и одинокой Антонине дали койку в комнате на местном конезаводе, где можно было ночевать и хранить пулемет. Утром она добровольно вышла на работу»¹³³.

Тем временем партизаны предпринимали все новые и новые дерзкие атаки. 2 февраля соединение партизанских отрядов под командованием уже упоминавшегося Александра Сабурова напало на город Трубчевск и заняло его после 18-часового боя. Партизаны, за которыми осталось поле боя, насчитали 108 убитых полицейских; еще несколько сотен просто разбежались. Местный бургомистр попал в руки к партизанам. После этого партизаны из города ушли, но 10 февраля вернулись и сожгли местный лесозавод¹³⁴.

Буквально в нескольких десятках километров от Локотя 20 января немецкое подразделение наткнулось на партизанский отряд Емлютина. После долгого боя немцам пришлось отступить. Спустя несколько дней другой партизанский отряд, также подчинявшийся Емлютину, совершил налет на станцию Полужье на железной дороге Брянск – Унеча, разбил местный гарнизон и уничтожил шесть вагонов с боеприпасами. Тут, однако, удача у партизан кончилась: к станции подошел эшелон с немецкими солдатами. В завязавшемся бою погиб командир отряда Филипп Стрелец, а остатки отряда вынуждены были отступить со станции¹³⁵.

Самая большая для оккупантов неприятность случилась на севере области: там объединенные силы партизан освободили город Дятьков и прилегавшие к нему районы, создав тем самым неподконтрольный немцам партизанский край¹³⁶.

Войск для борьбы с партизанами, как обычно, не хватало. «Группа армий надеялась ликвидировать угрозу партизанского движения, как только будет упрочено положение на фронте, – писал в конце февраля командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге. – Однако развитие событий в последнее время показывало, что эти надежды лишены оснований, так как напряженная обстановка на фронте не давала возможности отвести с фронта соединения, относящиеся к службе тыла»¹³⁷.

На этом фоне ситуация в Локоте и его окрестностях выглядела по меньшей мере приемлемо для оккупантов. После рождественского налета никаких крупных нападений на этой территории не происходило, а насильственная мобилизация в «народную милицию» лишала партизан человеческих ресурсов и способствовала отрыву части населения от партизан.

В этой связи командование тыла армии решило поощрить Каминского со товарищи. 23 февраля от командования 2-й танковой армии Каминскому пришло два приказа. Согласно первому, Каминскому разрешалось назначать старост в подчиненных ему деревнях (раньше назначать старост могли только оккупанты, что, кстати говоря, ставит крест на рассужде-

---

¹³³ Тонька-пулеметчица (<http://www.renascencia.ru/tonka.htm>).

¹³⁴ ОГБ.Т. 3. Кн. 1.С. 139.

¹³⁵ Там же. С. 139–140.

¹³⁶ ОГБ.Т. 3. Кн. 1. С. 266.

¹³⁷ Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. – М., 2001. С. 127.

ниях ревизионистов о «самостоятельности» Локотского района). Согласно второму приказу, Каминский получал право награждать отличившихся в борьбе с партизанами лиц земель, выдавая от двух до десяти гектаров. В собственность могли также передаваться коровы и лошади¹³⁸.

Буквально через несколько дней после получения этих приказов Каминский был вызван в Орел, где ему было объявлено о передаче под его контроль соседнего Суземского и Навлинского районов. Каминский приехал из Орла, полный радужных предвкушений.

«В феврале 1942 года я зашел по служебным вопросам в кабинет Каминского, – вспоминал впоследствии начальник лесного хозяйства района А. Михеев. – В беседе со мной Каминский рассказал, что он ездил к немецкому генералу Шмидту, который разрешил ему расширить функции районной управы. Сначала преобразовать Брасовский район в Локотский уезд, а затем и считать поселок Локоть городом. При этом Каминский заявил, что немецкие оккупационные власти согласны расширять наши функции вплоть до создания «русского национального государства», если мы будем активно помогать немцам в борьбе с большевиками. Тут же Каминский выразил свое мнение, что при нынешней ситуации, как он сказал, есть шансы мне – Михееву, после окончания войны в пользу немцев, стать министром лесного хозяйства правительства, которое будет создано в России. . . При этом рассказал мне о целях и задачах антисоветской организации НСТПР и сказал, что все члены этой партии будут получать соответствующие портфели, а кто против, тот будет угнан в Германию»¹³⁹.

Себя же, понятное дело, Каминский видел главой подчиненного Третьему рейху «русского государства». Он даже опубликовал приказ, в котором именовал себя бургомистром еще не существовавшего Локотского уезда¹⁴⁰. Тем сильнее должно было быть его разочарование.

В первой половине марта брянские партизаны нанесли новый удар. На сей раз он был направлен на жизненно необходимые оккупантам железные дороги. Удар оказался сокрушительным. «Железные дороги Брянск – Дмитриев-Льговский и Брянск– х[утор] Михайловский выведены из строя, – докладывали в Москву Емлютин и Сабуров. – На всем протяжении пути все мосты взорваны. Железнодорожный узел х[утор] Михайловский партизаны разрушили. Немцы пытаются восстановить железнодорожное движение на участке Брянск – Навля, но эти попытки срываются партизанами»¹⁴¹.

Немецкие источники эту информацию подтверждают: «В марте 1942 года партизаны остановили движение на железной дороге Брянск – Льгов и препятствовали использованию немцами железнодорожной линии Брянск– Рославль. На основных шоссе-дорогах (Брянск– Рославль, Брянск – Карачев, Брянск – Жиздра) угроза была столь велика, что движение по ним можно было осуществлять лишь крупными колоннами»¹⁴².

Произошедшее имело прямое отношение к Каминскому: партизаны парализовали именно ту железнодорожную ветку, которая шла через Локоть и подчиненные ему территории.

Для Каминского пришло время показать боеспособность своих формирований.

---

¹³⁸ *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 251.

¹³⁹ *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

¹⁴⁰ Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

¹⁴¹ ОГБ.Т. 3. Кн. 1.С. 285.

¹⁴² *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 133.

4. Террор как способ борьбы с партизанами

Боеспособность локотской «народной милиции» была не настолько велика, чтобы вести самостоятельные анти-партизанские операции. Поэтому подразделения Каминского действовали во взаимодействии с брошенными на борьбу с партизанами венгерскими частями. Первая же их совместная операция обернулась массовыми убийствами мирных жителей. Об этом впоследствии рассказывал уже упоминавшийся нами начальник отдела лесного хозяйства Михеев: «Весной 1942 года полицейские отряды, возглавляемые Мосиным, с участием мадьярских частей, в селе Павловичи расстреляли 60 человек и 40 человек сожгли живыми»¹⁴³.

11 апреля была сожжена деревня Угревище Комаричского района, расстреляно около 100 человек. В Севском районе каратели уничтожили деревни Святово (180 домов) и Борисово (150 домов), а село Бересток было уничтожено полностью (сожжено 170 домов, убит 171 человек)¹⁴⁴.

Проявленная жестокость по отношению к невинным людям привела к росту недовольства в рядах «народной милиции». «Милиционеры» начали перебегать к партизанам.

Из приказа № 118 по Локотскому уезду от 25 апреля 1942 года:

«...наряду с мужественно сражающимися за свое будущее бойцами и командирами, в некоторых случаях проявлялись также элементы паники и трусости, неуверенности и дезертирства, вроде бывшего начальника Шемякинского отряда Левицкого, а временами трусость и дезертирство переходили в открытое предательство, как это имело место 20 апреля с. г. со стороны 4 бойцов-военнопленных Хутор-Холмецкого отряда. Аналогичное предательство было допущено и в Святовском отряде со стороны бойца Зенченкова Сергея Гавриловича, который 22 апреля с. г. не выполнил приказаний командира и покинул пост на железнодорожном мосту. Этим самым он сделал большую услугу врагу, за что и был в тот же день по приказу бургомистра расстрелян»¹⁴⁵.

Вершиной этого процесса стало восстание «милиционеров» деревень Шемякино и Тарасовка, жесточайшим образом подавленное Каминским при помощи венгерских частей. Об этом эпизоде подробно рассказано в послевоенных показаниях начальника Михайловской полиции М. Говядова: «Дело было так: в мае 1942 года рота полицейских, дислоцировавшихся в деревнях Шемякино и Тарасовка, восстала – убила своих командиров, перерезала связь и перешла к партизанам. В отместку за это Каминский организовал карательную экспедицию, в числе которой были мадьяры. Эту экспедицию возглавлял зам. бургомистра Мосин, начальник военно-следственного отдела Парацук и представитель газеты «Голос народа» – Васюков...»¹⁴⁶.

Каратели захватили деревни после упорных боев с бывшими полицейскими и пришедшими им на помощь партизанами. После этого началась расправа над местными жителями. «По прибытии на место каратели расстреляли около 150 человек, членов семей полицейских, которые ушли к партизанам, и часть полицейских, которые были захвачены в Шемякино и Тарасовке, – рассказывал М. Говядов. – В числе расстрелянных были женщины, дети и старики. В июле месяце 1943 года, по приказу Каминского, была создана комиссия, под председательством Мосина, с целью произвести раскопки могилы расстрелянных ими же советских граждан, для того, чтобы приписать эти действия партизанам и озлобить солдат РОНА

¹⁴³ Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 92; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

¹⁴⁴ Партизаны Брянщины. – Брянск, 196. С. 41–42; Грибков КВ. Хозяин брянских лесов. С. 36–37.

¹⁴⁵ Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. С. 90; ЦА ФСБ.Д. Н-18757.

¹⁴⁶ Там же. С. 91.

против партизан. Мне известно, что эта комиссия выезжала, производила раскопки, составила соответствующий акт, который был опубликован вместе с большой статьей в газете «Голос народа», в которой указывалось, что расстрел этих лиц якобы произведен партизанами»¹⁴⁷.

В действиях каминцев не было ничего особенно специфичного. Точно такими же преступлениями против мирных жителей отметились действовавшие в соседнем Севском районе венгерские каратели. Свидетельства об этом в большом количестве сохранились в российских архивах.

«Фашистские сообщники мадьяры вступили в нашу деревню Светлово 9/V-42, – рассказывал крестьянин Антон Иванович Крутухин. – Все жители нашей деревни спрятались от такой своры, и они в знак того, что жители стали прятаться от них, а те, которые не сумели спрятаться, их порасстреляли, изнасиловали несколько наших женщин. Я сам старик 1875 г. рождения был также вынужден спрятаться в погреб.... По всей деревне в ней шла стрельба, горели постройки, а мадьярские солдаты грабили наши вещи, угоняя коров, телят»¹⁴⁸.

В близлежащей деревне Орля Слободка в это время всех жителей собрали на площади. «Приехали мадьяры и стали собирать нас в одну (нрзб) и выгнали в с. Коростовку, где мы переночевали в церкви – женщины, а мужчины отдельно в школе, – вспоминала Василиса Федоткина. – Днем 17/V-42 г. нас пригнали снова в свое село Орлю где мы переночевали и на завтраго т. е. 18/V-42 г. снова нас собрали в кучу около церкви где нас пересортировали – женщин погнали на с. Орлю Слободку, а мужчин оставили при себе»¹⁴⁹.

20 мая около 700 венгерских солдат направились из Орлии в ближайшие села. В колхозе «4-й Большевистский сев» они арестовали всех мужчин. «Когда увидели мужчин нашей деревни, то они сказали, что это партизаны, – рассказывала Варвара Федоровна Мазекова. – И этого же числа, т. е. 20/V-42 схватили моего мужа Мазекова Сидора Борисовича рождения 1862 и сына моего Мазекова Алексея Сидоровича, год рождения 1927 и делали пытки и после этих мучений они связали руки и сбросили в яму, затем зажгли солому и сожгли в картофельной яме. В этот же день они не только моего мужа и сына, они 67 мужчин также сожгли»¹⁵⁰.

После этого мадьяры двинулись в деревню Светлово. Жители деревни помнили погром, устроенный карателями каких-то десять дней назад. «Когда я и моя семья заметили движущийся обоз, то мы все жители нашей деревни убежали в лес Хинельский», – вспоминал Захар Степанович Калугин. Впрочем, без убийств не обошлось и здесь: оставшиеся в деревне старики были расстреляны венграми¹⁵¹.

Каратели целую неделю усмиряли окрестные деревни. Жители бежали в лес, но их находили и там. «Это было в мае м-це 28 дня 42 года, – рассказывала жительница Орлии Слободки Евдокия Ведешина. – Я и почти все жители ушли в лес. Туда следовали и эти головорезы. Они в нашем месте, где мы (нрзб) со своими людьми, расстреляли и замучили 350 человек в том числе и мои дети были замучены, дочь Нина 11 лет, Тоня 8 лет, маленький сын Витя 1 год и сын Коля пяти лет. Я осталась чуть жива под трупами своих детей»¹⁵².

Брошенные жителями деревни выжигались. «Когда мы возвратились из лесу в деревню, деревню нельзя было узнать, – вспоминала жительница многострадального Свет-

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ ГАРФ.Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 423. Л. 561—561об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 567.

¹⁵⁰ ГАРФ.Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 423. Л. 543—543об.

¹⁵¹ Там же. Л. 564.

¹⁵² Там же. Л. 488—488об.

лова Наталья Алдушина. – Несколько стариков, женщин и детей были зверски убиты фашистами. Дома были сожжены, скот крупный и мелкий был угнан. Ямы, в которых были закопаны наши вещи, были откопаны. В деревне не осталось ничего, кроме черного кирпича. Женщины, которые остались в деревне, рассказывали о зверствах фашистов»¹⁵³.

Таким образом, только в трех деревнях за 20 дней венграми было убито не менее 420 мирных жителей. Не исключено, что погибших было больше – мы не располагаем полными данными на этот счет. Зато мы знаем, что эти случаи были не единичными.

---

¹⁵³ Там же. Л. 517.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.